

ЮЛИЯ АРВЕР

ЗМЕИ
ГОРОДА РОЗ

18+

В МОИХ РУКАХ ОГОНЬ, В ТВОИХ – ТЕНИ

Young Adult. Наместница Вароссы

Юлия Арвер

Змеи города роз

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Арвер Ю.

Змеи города роз / Ю. Арвер — «Эксмо», 2023 — (Young Adult.
Наместница Вароссы)

ISBN 978-5-04-173774-0

Амаль – ведьма, которая, несмотря на юный возраст, стала наместницей города роз. У могущественной воительницы свой личный отряд колдунов. Слава о ее жестоком нраве разлетелась далеко за пределы земель, которыми она правит. Но мощь Амаль бессильна против тьмы, скрывающейся в переулках. Незвестный убивает молодых девушек, оставляя за собой лишь иссушенные тела, и цель его неведома даже обитателям Нечистого леса. Однажды у городских стен появляется перебежчик Амир, который просится ко двору наместницы, чтобы скрыться от навиров, особых войск императора. Возможно, этот человек как-то связан с ужасами, творящимися в Вароссе. Но кто он, жертва или жестокий убийца? Тени сгущаются, и ясно одно: есть сила, над которой ничто не властно...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-173774-0

© Арвер Ю., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

4	5
Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	20
Глава 3	28
Глава 4	39
Глава 5	48
Глава 6	55
Глава 7	64
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Юлия Арвер

Змеи города роз

*Моей маме. Ты верила в меня, даже когда я не верила в себя.
Моему мужу. Твой первый экземпляр будет ждать тебя.
Моему городу миллиона роз.*

4

Когда смерть за спиной, пламя – твой бой

Арт-иллюстрации персонажей в книге созданы Adacta Aries.

Иллюстрация карты выполнена художницей Надей Совой

© Юлия Арвер, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

Тьма коварным маревом подбиралась из углов, дымкой клубилась по комнате, скрадывая солнечный свет за маленьким окошком. Слишком много теней! Они повсюду! Их витые бесплотные лапы тянулись к мальчику, съезжившемуся на жесткой деревянной кровати. Его карие глаза округлились от ужаса, а губы побелели. Дрожащие ручонки сжимали потрепанного медведя, связанного из шерстяных ниток. Мальчишка искал защиты и спасения, но не было спасения от того, что выворачивало наизнанку его невинные желания, извращало и усиливало их во сто крат.

Мрак подступал, овивая его тело бурлящими мглистыми узами. Тени искали твердой руки, но находили лишь испуганного ребенка, молящего о пощаде. Он походил на загнанного волчонка, отчаянно соображавшего, в какую щель улизнуть. Но в этой бестелесной темнице не было щелей. Были лишь ужас и... смерть.

Неясное пламя свечи трепетало и разрасталось. Языки огня заплясали по столу и деревянным панелям на стенах. Они пожирали старую дощатую дверь, подбираясь к кровати, а клубы горького дыма смешивались с сумрачными тенями в одно неразделимое целое.

Мальчишка в ужасе вопил и звал на помощь, но обугленная дверь так и осталась безучастно закрыта. Они сбежали... снова... Сбежали и заперли его, только бы тьма, несущая муки неизвестности, не расплзлась по дому и саду, только бы не вырвалась на улицы Дaira и не затерялась в горах. Они отрезали себя от него. Толкнули в объятия сумрака. И с ним остался лишь безучастный медведь...

Стена теней росла и напирала на мальчишку. Они не боялись огня. Сумрак погасил языки пламени, укрыв их дымчатым саваном, и маленькая комнатка наполнилась запахом гари и животного ужаса. Горло ребенка сдавило. Мгла и огонь выпили весь воздух из его тщедушной груди.

Мальчик захлебывался слезами и задыхался в собственном страхе. Худое личико давно опухло от слез. Он поднял глаза на врага, напавшего без предупреждения, и в отчаянии закричал. Тени дрогнули, но не потеряли форму. Они дышали, будто живые, и выжидали. Чего они ждали?! Его смерти?! Мальчишка был готов к ней! Он – чудовище, разрушающее свой дом! Существо, проклятое при рождении!

Мальчонка захрипел, схватившись за горло, когда одна из теней обвилась вокруг его тонкой шеи. Они приказывали замолчать. Он повиновался и...

Очнулся от чужого прикосновения. Чья-то прохладная рука нежно пригладила его мокрые от пота волосы, мимолетно коснулась щеки и легла на лоб. Это не мама! Ее ласки он не видел уже давно. С тех пор, как родилась Дания. Целых два года...

Мальчик испуганным котенком потянулся к нежной руке, не открывая глаз. Мягкие касания дарили ласковую прохладу, и даже беспощадный даирский зной стыдливо отступал перед ними.

– Амир, ты меня слышишь? – донесся до мальчишки бархатный женский голос, походивший в его воображении на мягкие переливы флейты.

Легкое дуновение ветерка, наполненного вечерней свежестью, ворвалось в окошко, позволив вдохнуть полной грудью. В воздухе все еще витал запах гари, напоминая мальчику, что случившееся не сон. Он вновь напугал семью и чуть не сжег дом, хотя всего-то мечтал о тенистой прохладе. Он так устал от изматывающего зноя...

Мальчишка приоткрыл слипшиеся от слез глаза и в тусклом свете свечи разглядел девушку, чье присутствие здесь, в его каморке, никак не могло быть правдой. Что привело известнейшую ведьму Даира в их старый дом, пропахший хлебом и дымом?

В дверях маячил отец. Его сведенные на переносице густые брови не сулили ничего хорошего ни мальчику, ни их гостю. Он был зол... И это слишком мягкое слово, чтобы описать ярость, застывшую на смуглом лице.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила ведьма все так же ласково.

Мальчонка несмело пожал плечами, восхищенно разглядывая ее алую шелковую тунику, красивейшее верхнее платье, расшитое узорами, россыпь драгоценных камней на поясе и бриллианты, сверкающие в копне волос цвета воронова крыла. Ведьма не покрывала голову, как подобало всем девушкам и женщинам Нарамы. А ее добрые глаза цвета каштанового меда, нежно любимого его родителями, приковывали взгляд. И у мальчика возникло ощущение, что ведьма видит его насквозь, пролистывая, будто открытую книгу.

– Я облегчу твою участь, усмирю магию, но однажды она вырвется вновь. Как скоро это произойдет, мне неизвестно, но к тому времени ты должен набраться сил и храбрости, – произнесла ведьма, не поворачивая головы к хозяину дома.

– Разве ты не изгонишь эту дрянь из моего сына? – в голосе мужчины послышалось разочарование, приправленное яростью. – Рано или поздно он уничтожит мой дом! Да что там дом! Вся моя семья в опасности!

– Никому не под силу усмирить его мощь навечно, Иркен, – раздраженно закатив глаза, ответила ведьма и положила обе руки на голову мальчика. – В нем кипит магия, и она рыщет в поисках выхода. Амиру предстоит научиться жить в ладу со своей силой, контролировать желания и мысли. Это непросто, но он справится. Мальчик не так слаб, каким кажется.

– Я надеялся на твою помощь, Маура! Почему ты согласилась, если бессильна перед этой скверной?!

– Я не отказываюсь от своих слов. В моих силах помочь мальчику, но у нас с тобой разное представление о помощи. У него сильный и редкий дар. Уверена, в вашем роду были лихоморы.

– Моя прабабка была колдуньей, – пробубнил отец мальчишки, – но я не слышал ни одной семейной истории о такой... дряни.

– Значит, ты недостаточно знаком с семейной историей, Иркен, – отрезала ведьма. – Такой дар передается по наследству и никак иначе. Твой ребенок получил больше, чем сейчас способен принять. Я хочу помочь ему победить и стать хозяином своей магии. Пока же он – ее слуга.

– А как же моя младшая дочь?! – взвился мужчина и от избытка чувств пнул обугленную дверь, отчего та жалобо скрипнула. – Он может навредить ей! В моем доме живет нечистая сила!

– А как же твой старший сын? Он вредит сам себе! – в голосе Мауры послышались металлические нотки. Томная бархатистость исчезла под железной броней, которой ведьма укрыла себя и мальчишку от гнева его отца.

Иркен пыхтел и краснел от ярости, но не смел спорить с гостьей и дальше. Уж слишком громкая молва ходила о мощи этой хрупкой девушки и о бедах тех, кто осмеливался ее обидеть.

– Моя трехлетняя дочь сожгла целую беседку, но я не стала любить ее меньше. Это всего лишь повод построить новую, – добавила Маура.

Руки ведьмы по-прежнему лежали на голове мальчишки и источали тепло, мягкие волны которого окутывали тело от макушки до пяток. Амир блаженно закрыл глаза и будто наяву разглядел свет, пронзающий даже потаенные уголки его души. Он успокаивал мечущиеся мысли и дарил надежду.

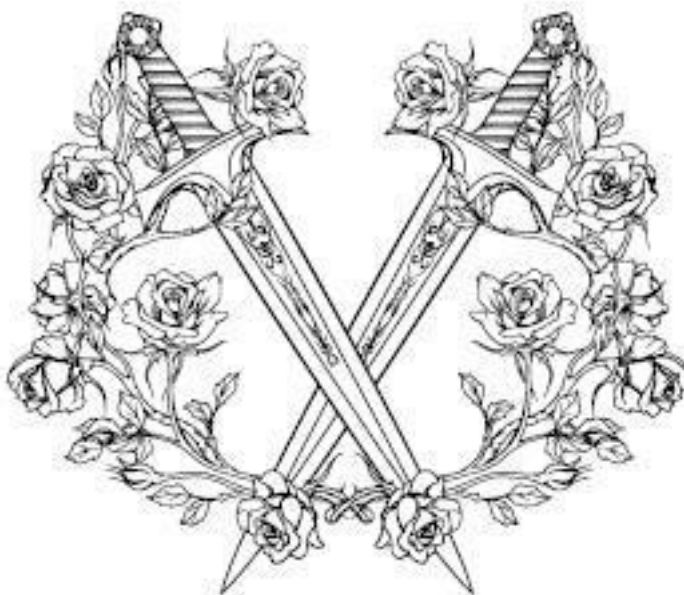
– Тебе дарована редкая магия, маленький лихомор, но она понимает лишь силу. Усмири ее, покажи, что ты не раб, а ее господин, и обретешь ценнейшего соратника. Ни один человек не бывает так предан, как эта бесплотная мощь. Запомни мои слова, Амир, и борись.

И он будет бороться. Он – хозяин своей силы. Он подчинит ее и заслужит любовь отца.

Глава 1

Город роз

Амир

Горная гряда, походившая на хребет плененного в камне чудовища, возвышалась за моей спиной. Она, словно врата в мир мертвых, нерушимо стояла на страже земель некогда могучих завоевателей, а ныне проклятого Владыкой места, где я родился! И куда предпочел бы никогда не возвращаться!

Серпантинные тропинки, затерянные в лесной чаще, играли со мной. Они, будто верные защитники, оберегали Варосские земли от чужаков. А я и был чужаком, по ошибке Владыки носившим здешнее традиционное имя.

Лирай, приграничный городок, остался далеко позади, а мои запасы воды уже иссякали. Сколько себя помню, в конце лета Нарам всегда изнывал от духоты, но за время, проведенное вдали от родной провинции, я успел отвыкнуть от влажного зноя. Воздух застоявшимся киселем висел над Нечистым лесом, по которому я пробирался уже вторые сутки, истекая потом и мучаясь от непрестанной боли.

Два дня назад в трактире Лирая мне пришлось здорово подраться. Впервые за последнее десятилетие били меня, а не я. Держать кулаки сцепленными, но не пускать их в ход оказалось непросто. Несколькими движениями я мог бы положить каждого из четверых пьяных боровов, но терпел их удары и пинки, намеренно подставляя лицо и захлебываясь собственной кровью.

Я был приучен к боли, но не к унижению. А они еще долго насмехались над «зарвавшимся дураком, которого мамка воспитала хилой неженкой», и не спешили уходить. Пьянчугам нравилось смотреть, как я с тихой злобой утираю кровь, струящуюся из разбитого носа. Один из них предложил мне кружевной платок своей жены, чтобы «вытереть девичий носик». Я сплюнул кровь ему под ноги, но в этот раз увернулся от унизительного пинка. Хватит и тех увечий, что мне уже нанесли.

Пришлось выпить почти литр местной травяной настойки, чтобы справиться с желанием догнать пьяную компанию и рассчитаться за каждый удар. Я бы с наслаждением выпустил на волю скулящую в заточении тьму. Эта ночь запомнилась бы им, как ночь победившей скверны.

Жена пожилого трактирщика расчувствовалась от вида моего залитого кровью лица, похожего на кусок свежего мяса. Вручив мне платок и строго велев ждать, сердобольная женщина побежала будить местную знахарку. Пришлось незаметно слиться с тенью, что я мастерски умел делать. Верное марево теней укрыло меня пеленой мрака и отвело глаза каждому из засидевшихся пьяниц. Так я и ускользнул из захудалого приграничного трактира.

Сбежать-то я сбежал, но спать пришлось в лесу. Устрой я себе ночлег на одной из улиц городка, мое расквашенное лицо запомнилось бы каждому случайному прохожему.

Нечистый лес обволакивал миражом тихих звуков и шелеста листвы. В кромешной тьме я силился разглядеть нечистую силу, которая, по слухам, скрывалась в этих местах, но вскоре, благодаря выпитой настойке, проиграл битву с беспокойной дремой и наконец уснул.

Наутро меня разбудило щебетание птиц, походившее на мотив традиционной похоронной песни нарамцев. Духи леса насмеялись надо мной, щебеча траурную мелодию, отдававшуюся в самых потаенных уголках души полузабытыми строчками:

*Жизнь была так быстротечна.
Что ты оставил за спиной?
В царствие Творца навечно
Отправляйся на покой.*

Я тряс головой в надежде, что пелена полусна спадет, похмелье отступит и птицы вновь защебечут вразнобой, как и *должны*, но знакомый с детства мотив звучал все отчетливее, сопровождая меня по тропинкам бесовского леса!

Я истекал потом от духоты и липкого беспокойства, пил воду огромными глотками и умывал разбитое лицо. Бурдюк пустел ужасающе быстро, а путь до Вароссы лежал неблизкий. Когда солнце уже клонилось к закату, а птицам наскучило насвистывать похоронную песню, лес поредел и вывел меня на мелководе небольшой речки с неторопливым течением. Несмотря на ее видимое спокойствие, я не спешил доверять этой мнимой безопасности. Щебет птиц запросто мог оказаться пророческим и напеть мне мучительную гибель.

Я достал из парусинового вещевого мешка кинжал и зашагал по каменистому берегу в поисках дерева с надежными ветвями, осторожно перебираясь через скользкие валуны.

Но подошва хваленых походных ботинок подвела меня на поросшем мхом камне. Я с руганью приземлился на колени и рассек правое об острый выступ. Зарычав от злости и боли, полез в мешок за мотком хлопковой перевязочной материи. Сейчас не помешала бы спиртовая настойка. Я бы и порез обработал, и свои душевные раны. Похоронная песня все еще эхом отдавалась в ушах. Правда, пело ее уже мое собственное воображение, а не проклятые птицы.

– Ты снова в беде, бестолковый человек? – знакомый голос с кошачьими нотками раздался над самым ухом, стоило мне плеснуть воду на пульсирующую рану.

Тень от мшистого валуна приняла уже привычные очертания карликового лиса, уплотнилась, приобрела светло-рыжий цвет и смотрела на меня с прямо-таки человеческой укоризной. Я снова зло зарычал и швырнул в лиса камень, который пролетел сквозь него и плюхнулся в воду. Взгляд существа стал еще более укоризненным. А я-то наивно полагал, что больше некуда!

– Ты не вовремя, Реф. Сгинь.

– Я мог бы остановить кровь, пока она совсем не покинула твое безмозглое тело, но на нет и суда нет, – сделано обиженным тоном протянул лис и стал чуть прозрачнее. Сквозь неясное тело светлого зверька я разглядел камни и лениво текущую воду.

Это было старое доброе представление «Я ухожу. Я почти ушел, ты видишь? Вот сейчас точно уйду. Навсегда-навсегда». Я недовольно фыркнул, но сдался. Как и всегда.

– Ладно, помоги мне.

– Не слышу мольбы в голосе, – съязвил Реф, вновь обретая ясные очертания. Он оживленно повел большими ушами и выжидающе замер. Черные глаза-бусинки буравили меня взглядом, полным превосходства.

– Реф, помоги мне, пожалуйста, – закатив глаза, попросил я.

– Потому что я... – подсказал лис.

– Потому что я бы уже давно сдох, если бы моя почтенная прапрабабка не создала такого неоценимого помощника, как ты.

– Так-то лучше. Знала бы моя любимая Самира, каким дурачком уродится ее праправнук, никогда не вышла бы замуж.

– Лучше бы она не проводила опыты с темной материей, – буркнул я, но благоразумно замолчал, стоило Рефу приблизиться.

В его характере было передумать и раствориться в подступающих сумерках. Сейчас я нуждался в помощи этого капризного зверя. Передняя лапка Рефа удлинилась, потеряла свои очертания и неясным призрачным маревом окутала мое колено. Я ощутил мягкое тепло, которое рассеялось так же внезапно, как и появилось. Порез выглядел чистым, пульсирующая боль ослабла, а кровь остановилась как по волшебству. Впрочем, так оно и было. Талантов у создания моей драгоценной прапрабабки было хоть отбавляй! Характер бы еще помягче этому столетнему ворчуну.

– А теперь выкладывай, зачем шатался по берегу? Брод же перед глазами, – потребовал Реф, когда его лапа вернулась к прежнему виду.

– Я не дурак, чтобы соваться в воду без третьей точки опоры, – фыркнул я. – Мне нужна была надежная палка, вот я и присматривался к деревьям на берегу.

– Как тяжело с этим молодняком, – театральнo закатил глаза Реф. Почему у бесплотного существа это получалось так талантливо? – Ладно уж, проведу тебя. А то еще ненароком и башку свою пустую расшибешь в поисках волшебной палки.

– Спасибо и на этом. Где ты пропадал весь день? Мне тут птицы похоронную песню насвистывали часами напролет, – попенял я лису.

– Я, между прочим, нечисть от тебя отгонял, неблагодарная ты скотина, – проворчал Реф. – Птички – это еще ерунда. Я от тебя трех водных духов отвадил, бичуру, упыря и двух эе. Если б не я, то ты б или в чаще сгинул, или в реке утоп, ну, или упырька кормил. Чем не веселье?

Я торопливо обернулся, стремясь уловить движение среди деревьев. Небо, как назло, затянуло тучами, и серый полумрак накрыл речную долину, скрыв краски заката. Поэтому Реф и появился. Он предпочитал не показываться под яркими солнечными лучами. Существо, состоящее из магии и морока, чего уж там.

Я мог бы окружить себя плотным коконом ветра, гуляющего между кронами деревьев, но эта трусливая предосторожность стоила бы мне львиной доли сил. Спать беспробудным сном в лесу, полном плутающей вокруг нечисти, не лучшая идея.

– Я уж и забыл, что бичурой здесь зовут кикимору, а об эе я вообще слышал только в сказках. Все в этих местах не как у людей, – проворчал я.

– Пора бы освежить в памяти нарамские поверья, если надеешься тут прижиться.

– Мне ни к чему здесь приживаться. Я на этой земле ненадолго.

– Вон лоб какой вымахал, умным себя мнишь, а сам дурней ребенка. На родине колдун сильнее, чем где бы то ни было. Тебе сама земля сил прибавит.

– Мне их и без твоих предрассудков хватает, – фыркнул я. – Родина встретила меня кучей нечисти. Никакого гостеприимства.

– Умные люди поодиночке в этот лес не суются. Нечего на родину свою дурь списывать. Одного сгубить легче, вот вся эта голодная братия и ринулась к живому мясу. Если б не я, давно бы сгинул, горе ты луковое. Сотню раз говорил тебе, дубина стоеросовая, предупреждал...

Реф раздраженно махнул головой и отвернулся. Он даже потемнел от злости.

– Спасибо тебе, спасибо, – устало пробормотал я, понимая, к чему клонит старый хитрец.

Реф нуждался в моих словах признания и похвалы. Без них он впадал в уныние и ворчал без продыху. Я, как стреляный воробей, всегда имел наготове оружие, действующее на моего так называемого питомца лучше любой магии. И это – старая добрая грубая лесть. Этот безотказный способ усмирить бесплотного лиса я выяснил методом проб, ошибок и тысячи изысканных и не очень оскорблений в свой адрес. Уж что-что, а ругаться меня научил именно Реф.

– Ты же знаешь, я бы с удовольствием прислушался к твоему совету, но обстоятельства сильнее меня, – тут же добавил я.

– Вот и ходи теперь с разбитой мордой, раз не слушаешь старших, – буркнул Реф, но смягчился: – Чего расселся, лентяй?

Он подобрался и в несколько прыжков достиг воды. Я, прихрамывая, поковылял за ним. В одно мгновение Реф разросся до размеров волка и прыгнул в реку. Вода текла сквозь неосознаваемое тело морока, что смотрелось бы жутко, не будь я знаком с ним с детских лет.

– Ступай за мной, – распорядился Реф и повел меня через неторопливо движущуюся водную гладь.

Глубина оказалась совсем небольшой – чуть выше колена. Рана отозвалась пощипыванием, но я отмахнулся от боли, мысленно прибавив ее к той, что терзала лицо при каждом слове и движении мышц. Реф был против дурацкого плана с дракой и демонстративно исчез, стоило мне войти в Лирай. Он не выносил моих страданий, хоть и при каждом удобном случае жалел, что в теперешние времена уже не принято пороть людей розгами.

Весь оставшийся путь я терпеливо выслушивал нравоучения карликового лиса с характером тигра. Но стоило мне неосторожно обронить: «Не тот у тебя размер, чтоб вмещать столько яда», – как на месте лисы в мгновение ока возник огромный бурый медведь с черными провалами вместо глаз. Он огласил ревом окрестности, отчего неподалеку недовольно захула сова. Я поспешил извиниться перед ранимым стариком. Этот сварливый валенок умел быть воистину устрашающим.

Варосса приближалась, а я все сильнее ненавидел каждый клочок земли Нарам. Лес не кончался, но Реф больше не видел нечисти. Все это время он самодовольно напоминал, что лесные твари прячутся в страхе накликать его гнев. Я удрученно кивал и сухо благодарил, не забывая подбадривать ушастого защитника лестными словечками.

Небо так и не посветлело, временами срывался дождь. Сумерки наступили рано. Я потерял всякую надежду выйти из леса до наступления темноты, поэтому не сразу заметил далекие огни на стенах Вароссы. Город у кромки леса. Островок, утопающий в цветах. В народе Вароссу прозвали городом роз. По правде говоря, я не желал проверять, цветет ли там что-нибудь, кроме всевластия наместницы воеводы, но судьба решила все за меня.

Близость города придала сил. Казалось, даже тупая боль поутихла, уступив место внезапному волнению. Что-то не припомню, когда в последний раз ощущал, как потеют ладони. Позор тебе, Амир Шайзар, на все твои будущие седины. Если эта взбесившаяся ведьма позволит тебе до них дожить, конечно же.

Я прибавил шаг. Еще немного... совсем немного, и наше путешествие завершится. Реф бежал рядом, в сумерках неотличимый от лисы из плоти и крови. Он молчал, что стало для меня наградой.

Лес редел, и волнение нарастало где-то в горле. Почему родные земли казались мне до зубовного скрежета чужими? Потому что Нарам вычеркнул меня из своей истории пятнадцать лет назад, навечно превратив в чужака.

Город, громоздившийся на берегу реки, выглядел враждебным. Массивные стены, похोдившие на огромную каменную змею, напоминали о прошлом Вароссы, созданной богатейшим купцом из столицы Алмазной империи и названной в честь его матери. Двести лет назад, еще до захвата Белоярской империей, город роз был первой приграничной крепостью, форпостом Нарамы. Военная жемчужина степи, защищенная скалистым берегом реки и усаженная розами по завету своего основателя.

Два столетия назад здесь не было Нечистого леса. Он вырос позже, когда кровь белоярских и нарамских солдат окропила каждый вершок земли. Возвращенный смертью и страданиями, лес напитался горем и вырос на них, как на самой плодородной почве. С тех пор и поселилась там нечисть, хоть и не каждый в это верит. Я никогда не сомневался в правдивости рассказней пьянчуг в трактирах о таинственных духах, упырях, русалках, блудниках и самом Шурале – хозяине Нечистого леса. Так прозвали это чудовище напуганные жители Вароссы и приграничных селений. Позже дурная слава о нем разлетелась по всему Нараму и Мирее.

Я подобрался ближе и, спрятавшись за стволом раскидистого дуба, осмотрелся. Главный тракт, приглаженный копытами лошадей и колесами повозок, пустовал. Мое молчаливое наблюдение нарушили неторопливые шаги. Кем бы ни были те, кто на ночь глядя бродил по кромке Нечистого леса, они ни от кого не скрывались и не понижали голоса. Двое мужчин над чем-то громко хохотали без страха нарушить покой здешних не совсем живых обитателей.

В сгустившихся сумерках я разглядел коричневую форму, отдаленно похожую на военную. Лица незнакомцев до самых глаз закрывали тканевые маски того же цвета. У каждого на поясе висели ножны с кинжалами кама, а к перекинутым через плечо португелям крепились сабли – традиционное оружие Нарамы. Солдаты наместницы! К ним-то мне и надо!

Я принял решение мгновенно. Реф рядом фыркнул и растворился в сумерках, как будто его и не было. Отчаянный план, но уж какой есть. Придумать гениальней за минуту не смог бы даже лучший командир императорского войска.

Я сделал шаг к мужчинам и громко застонал. Хохот стих. Они разглядывали меня, а я – их.

– Стой, где стоишь!

Я послушно замер, тяжело навалившись на ближайшее деревце, жалобно треснувшее под моим весом.

Один из солдат осторожно приблизился, выхватив кинжал, второй же остался на месте и предусмотрительно зажал в руке саблю.

– Двинешься – убью, – предупредил подошедший мужчина, и я ему поверил. Уж слишком убедительно звучал его равнодушный голос. Будто убить человека для него все равно что отрубить голову курице. Я слишком хорошо знал этот тон. Сам убивал не раз и не два.

– Я пришел просить убежища в Вароссе. У меня нет оружия, и я ранен, – мой голос звучал надломленно и хрипло. Как и было задумано.

Глаза солдата внимательно осматривали мое изувеченное лицо, окровавленную одежду и перемотанное колено. Он видел перед собой несчастного грязного бродягу, от которого за версту разлило потом. Солдат колебался, но хватку на кинжале ослабил. Я мог бы убить его, воспользовавшись притупленным вниманием противника, но мы с Рефом здесь не для того, чтобы оставить за собой кровавый след.

– Откуда ты? – бросил мне солдат.

– Из Мирее. Меня преследовали за колдовство. Я пришел просить убежища у наместницы.

– Почем нам знать, что ты не убийца, сбежавший от суда, или не колдун, нарушивший закон? Вдруг за тобой придут навиры? Нам такие гости ни к чему, – недоверчиво протянул второй солдат.

– Я готов пройти любую проверку. Прошу, не бросайте меня здесь. Мне некуда идти.

– Пойдем-ка, парень. Отведем тебя к нашему командиру. Он и решит, что с тобой делать, – заявил первый, приняв окончательное решение.

Он приблизился ко мне и достал из небольшой поясной сумки моток крепкой веревки.

– Рыпнешься – зарежу, – вновь предупредил солдат, связывая мои руки.

Я мысленно фыркнул. Интересно, как? Третьей рукой, внезапно выросшей из задницы? Если наместница Амаль окружила себя только непроходимыми идиотами, то весьма любопытно, почему она все еще жива. Впрочем, ведьма прекрасно справляется с врагами и в одиночку. Людская молва бежит впереди нее, как и заслуженная слава душегубки.

Солдат толкнул меня в спину и остался позади, в то время как его товарищ возглавил наш маленький строй. Они не убирали оружия, не доверяя мне. И правильно делали.

Я не чувствовал присутствия Рефа. Уверен, старый скрипучий сапог решил не травить душу, наблюдая, как его любимого бестолкового ребенка ведут на аудиенцию к ведьме, посеявшей страх далеко за пределами своих земель.

Вскоре мы вошли в город, миновав массивные железные ворота. Их защитные механизмы вновь напомнили мне о прошлом Вароссы, как и армированная металлом опускная решетка. Четверо привратников насторожились, завидев нашу небольшую компанию. Их форма была мне более привычна. Черные мундиры с золотым шитьем и такими же золотыми обшлагами, строгие черные брюки, белые портупей, нагрудные знаки с обозначением званий – единая для всех форма Белоярской империи.

Солдат, возглавлявший наш строй, перекинулся несколькими словами с одним из привратников, и тот покорно посторонился. Напоследок все четверо окинули меня хмурым взглядом, будто с болью в сердце пропускали в город врага.

Я незаметно осматривался, улавливая малейшее движение на улицах. Старые каменные домишки в окружении сараев со скотиной меня не интересовали, как и обширные фермерские угодья за ними. Я запоминал дорогу по узким улочкам, вымощенным камнем, мысленно отмечая ориентиры и проговаривая их про себя по порядку.

Раскинувшийся вокруг город оказался больше того, что жил в моем воображении. Придуманная Варосса должна была встретить меня багряными реками крови, запахами колдовских трав, снующей от дома к дому лесной нечистью с черными провалами вместо глаз и прачивательницей, утратившей все человеческое. Но вместо кошмарной преисподней передо мной предстал город-цветок. Столько клумб мне не приходилось видеть даже в Белоярове! Как эти цветы выжили в летнем зное Нарамы? Как в провинции девять лет выживал я? Пот стекал не только по лицу, но и по шее, спине и затылку. Дневной зной сменился вечерней духотой.

Я с изумлением глазел на расписанные художниками стены домов, причудливые фонтаны, высокие фонари, между которыми сновали фонарщики и зажигали огни, на каменные стены с воротами, отделявшие друг от друга городские кварталы. Варосса была неплохо укреплена. Узкие улочки расширялись, разделенные клумбами и деревьями, под каждым из которых примостились небольшие деревянные скамейки.

Уже в центре города я понял, как ошибся, посчитав, что жизнь уходит из Вароссы вместе с солнцем. Жители, принарядившиеся в разноцветные наряды, толпами сновали по широким улицам, ночные лавки пестрели разнообразными лакомствами, неподалеку от центральной площади колдун-фокусник развлекал толпу ребятишек. Он жонглировал водными фигурами, переливающимися в неясном свете фонарей всеми цветами радуги. Дети веселились и наперебой предлагали варианты фигурок, которые он обязательно должен был для них создать.

На миг я застыл, пораженный танцем трех девушек в пестрых камзолах. Они ступали босыми ногами по разгоряченным камням, но будто бы и не касались их. Танцовщицы двигались грациозно, словно лебеди, под чарующие звуки дудука.

В памяти всплыла центральная площадь Дайра. Ребенком я частенько убегал туда от криков отца и часами наблюдал за музыкантами, играющими для гостей столицы Нарамы. А

девушки, кружившиеся в танце под их завораживающую музыку, были для меня недостижимо прекрасны и волшебны.

Солдат, замыкавший наш строй, грубо толкнул меня в спину, вырвав из счастливого детского воспоминания. Одного из немногих.

– Нечего таращиться на наших девок, – буркнул он. – Не для тебя танцуют, бродяга.

Я скрипнул зубами, но покорно направился дальше. Мы пересекли площадь, миновали группу горожан, внимавших одухотворенному поэту в разноцветных одеждах, и оказались перед очередной городской стеной. У высоких железных ворот расхаживали двое караульных в коричневой форме.

Неужели мы достигли поместья наместницы? В свете фонарей у меня получилось лучше разглядеть обмундирование ее солдат. Плотные рубахи, кожаные доспехи, подогнанные в точности по фигуре, кожаные наручи, брюки, заправленные в добротные ботинки на шнуровке, перекинутые через плечо портупей с саблями и ножами для кинжалов. Нижние половины лиц скрывали маски. Оба привратника по-армейски коротко острижены, как и солдаты, сопроводившие меня.

– Что это за подзаборник с вами? – пробасил один из караульных, окинув меня взглядом, полным пренебрежения и брезгливости.

– Встретили его в лесу. Просит убежища у наместницы, – ответил солдат, возглавлявший наш маленький строй. – Мы ведем его к Беркуту.

– Больно много чести! Был приказ: патрулировать границу леса. Вместо этого вы притащили в город какого-то бродягу! – возмутился караульный.

– Что нам было делать? Бросить его там? Ты видел, сколько на нем кровищи? К утру умер бы в лесу. Там и без его неуспокоенной души нечисти хватает! – рявкнул второй солдат и вышел вперед, тем самым закрыв меня от гнева привратников.

Я мысленно ухмыльнулся. Совсем недавно он же грозился меня зарезать. Непостоянный человек, что с него взять!

– Пусть один проходит и доложит Беркуту. Если он даст добро, пропущу, – наконец вынес вердикт первый привратник.

Солдат, защищавший меня, гордо потянул на себя небольшую калитку в правой створке ворот и исчез во тьме за ней.

– Отойди подальше, оборванец! – гаркнул на меня караульный. – От мертвяков и то лучше пахнет!

Я выполнил приказ и обессиленно уселся прямо на дорогу, еще не остывшую после знойного дня. Путешествие оказалось слишком изматывающим. Еще и тупая боль во всем теле! Стоило ли все того? Стоило, Амир. Еще как стоило...

Мы молчали долго. Я успел даже задремать незаметно для самого себя. Оставшийся солдат наместницы возвышался рядом, не спуская с меня глаз. Минуты текли одна за другой, а его напарник все не возвращался.

Уже совсем стемнело, когда калитка наконец скрипнула. За сердобольным солдатом следовал высокий мужчина крепкого телосложения, одетый в ту же форму, что и остальные, но его лицо не скрывала маска.

Незнакомец что-то буркнул караульным и приблизился ко мне уверенным шагом. Я наконец рассмотрел новое действующее лицо во всей этой нелепой комедии положений. Навскидку мужчина был чуть старше тридцати. Его широко посаженные глаза, казавшиеся черными в мареве фонарей, осматривали меня с интересом, но без брезгливости. Чертами лица незнакомец не походил на коренного жителя Нарамы. Думаю, его родиной были исторические земли Белоярской империи.

Глядя на гладко выбритый подбородок мужчины, я поймал себя на чувстве черной зависти. Мое лицо под отросшей щетиной противно чесалось уже несколько дней, и я неосторожно разодрал кожу до ран.

– Так это ты просишь убежища? – у незнакомца оказался на удивление зычный голос. Командирский, я бы сказал.

Мне ничего не оставалось, кроме как коротко кивнуть.

– Общайте его и проведите в мой кабинет, – распорядился он. – Веревки пока не снимайте.

С этими словами мужчина устремился обратно. Наверняка это и был тот самый Беркут, к которому мы направлялись. Кстати, почему именно Беркут?

Солдаты тщательно обыскали меня и мой вещевой мешок с нехитрыми пожитками. Швырнув его мне обратно, подтолкнули к калитке. Привратники потеряли к нам всякий интерес.

Мы миновали ворота и очутились перед большим плацем, за которым каменным изваянием расположился двухэтажный дом, окруженный четырьмя башнями с остроконечными крышами. Наверняка это и было жилище наместницы. Удивительно! Я-то ожидал увидеть склеп!

Слева и справа от плаца тоже ютились здания, но архитектура их была попроще и поскромней. Все три дома утопали в зелени, будто в бескрайнем шелестящем море: пышные розарии, аккуратно постриженные кустарники, кипарисы, острыми пиками тянущиеся к небу. Поместье наместницы воеводы поражало жизнью и ее проявлениями.

Плац не пустовал. По нему то и дело сновали люди в той же коричневой форме, но ни на ком из них не было масок. Из дома наместницы выпорхнули две девушки в длинных рубахах, одинаковых вышитых передниках и аккуратных тюбетейках. Они над чем-то хихикали, провожая взглядами проходивших мимо солдат. Жизнь внутри массивных стен кипела и шкворчала, а я был чужд этой суе. Все здесь вызывало отторжение, приправленное несчастливими детскими воспоминаниями о Нараме и его жителях.

Меня подтолкнули к дому справа – двухэтажному зданию с черепичной крышей, большой деревянной террасой и окнами, украшенными резными наличниками. Мы миновали двустворчатые двери и оказались в просторном помещении, стены которого были расписаны просто невообразимыми узорами и рисунками. Сколько же художников трудились над этой красотой?!

Большую часть холла занимала широкая деревянная лестница. По обе стороны от нас расположились двери аркообразной формы. Одна из них распахнулась, пропуская троих солдат в льняных рубахах и форменных штанах с полотенцами наперевес. Они с любопытством взглянули на нашу странную компанию, но продолжили свой путь, не задавая вопросов.

Сверху слышались мужские голоса, громогласный хохот и даже звуки... драки? Те трое перекинулись парой слов и взбежали по лестнице, спеша присоединиться к веселью.

Стоило мне на миг замереть, прислушиваясь к залиvistому смеху, как один из солдат напомнил о нашей общей цели ощутимым толчком в спину. Они повели меня к неприметной двери, притаившейся за лестницей.

Нас встретил просторный кабинет, погруженный в полумрак. На стенах горели четыре масляные лампы, на массивном письменном столе, заваленном бумагами, возвышался витой бронзовый канделябр с пятью свечами, но света все равно не хватало. Кабинет казался сумрачным и... казенным. У стены примостилось с десятков стульев, а еще один стол с книгами и свитками тоскливо ютился в углу. Стены наверняка служили опорой его покосившейся ножке. На большом безжизненном камине не оказалось ни единого украшения, окна же надежно скрывали плотные серые шторы, сквозь которые, готов поспорить, не пробивались ни солнечные лучи, ни жизнь.

Беркут уже ждал нас, задумчиво осматривая меня с ног до головы. Он кивком указал на хлипкий деревянный стул у окна. Я послушно придвинул его к столу и уселся.

– Нам остаться? – уточнил один из моих конвоиров.

– Исчезните, только сначала снимите с него веревки. Я и сам в состоянии разобраться с доходягой, – отмахнулся от них Беркут.

Через минуту мы с командиром солдат наместницы остались наедине. Наши одинаково заинтересованные взгляды сверлили друг друга, будто сражаясь в мнимой битве. Я тер затекшие запястья, разминая их.

– Выкладывай, бродяга, с чем пожаловал, – наконец велел Беркут, устало моргнув.

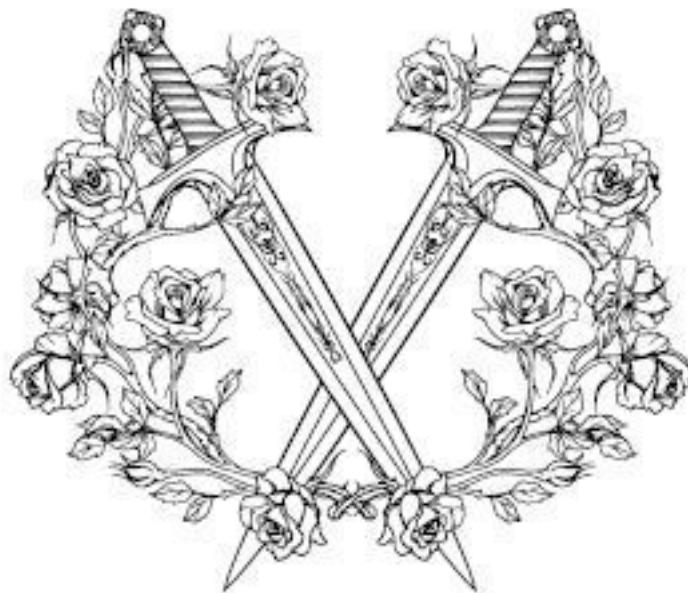
Он выглядел заинтересованным, но не дружелюбным. Сведенные на переносице брови и сжатые челюсти предупреждали, что их хозяина лучше не обманывать.

– Меня зовут Ингар. Ингар Динир. Я прошу убежища, потому что навиры убили всю мою семью.

Глава 2

Любовь убивает

Амир

Я сверлил Беркута взглядом, силясь уловить там эмоции, но не видел ни одной.

– Ты не выглядишь коренным жителем Мирей. Слишком уж походишь на нарамцев, – протянул он. – Даже опухшее лицо не может скрыть здешних черт.

Я согласно кивнул и продолжил:

– Я родился и рос в Даире. В семь лет во мне проснулась магия. Отец до одури боялся моей силы, и мать вторила ему. Они были готовы на все, лишь бы оградить младшую дочь от опасности, и потому решили избавиться от меня. В девять лет я оказался на улице. Так и скитался по городу, прибившись к шайке мальчишек-беспризорников, пока однажды на рынке не вытащил у незнакомца кошелек. Он поймал меня за руку, но не отволок к патрульным, а привел к себе домой и накормил. Я рассказал ему и его жене о родителях и своем скитании по подворотням. Эти люди пожалели меня и забрали с собой. Так я и обрел приемных родителей. Они коренные мирейцы, из-за службы моего названного отца жили во многих уголках империи, но семь лет назад осели на родине.

– И с тех пор ты не бывал в Нараме?

– Нет. Ни разу. Если бы не смерть родителей, я бы никогда не вернулся сюда. Сами понимаете, несчастливые детские воспоминания.

– Ты на удивление грамотно говоришь, – недоверчиво протянул Беркут.

Но и на этот случай у меня был заготовлен ответ:

– В Мирее большинство детей посещают школы. Они бесплатны, поэтому учиться грамоте и счету может каждый. Мне же повезло вдвойне. Моя мать была поэтессой. Ее стихотворные чтения собирали большую публику везде, где останавливалась наша семья. Она занималась со мной, мы много читали и обсуждали прочитанные книги.

– Что произошло с твоими родителями?

Беркут, будто натасканная ищейка, вынюхивал малейший подвох, крохотный намек на ложь. Но я не дам ему повода сомневаться в своих словах.

– Они погибли по моей вине. Навиры искали меня и пытали их. Любимый метод этих ублюдков – выбивать сведения из близких. Они подозревали, что родители покрывают меня. За это их и убили, но ни отец, ни мать не знали, где я.

– И что же ты такого натворил? Кого убил?

– Я никого не убивал! – возмутился я. – Все гораздо проще. Я хотел жениться.

Бровь Беркута недоверчиво дернулась вверх.

– Я полюбил девушку из хорошей семьи. Ее мать – актриса столичного театра, а отец – крупный торговец. Я же сам работал разнорабочим в имении воеводы. Там мы и встретились. Она, как ни странно, ответила взаимностью, но родители были, конечно же, против. Колдун, да еще из небогатой семьи, не лучший вариант для их дочери. Они всячески настраивали ее против меня, угрожали мне самому. Мы боролись сообща и не отпускали друг друга. Однажды я предложил ей бежать из Адрама и пожениться. Она согласилась. Уж не знаю как, но ее мать начала что-то подозревать. Стоило нам сбежать из города, как они с мужем отправились к навирам и оклеветали меня. Все выглядело так, будто я околдовал их дочь и насильно увез из столицы.

– А она точно поехала с тобой по своей воле? – ухмыльнулся Беркут.

– Она клялась мне в вечной любви! – рявкнул я и скривился от боли. Ссадины на лице напоминали о себе при каждом неосторожном движении губ. – Вы сами знаете, как в Мирее относятся к магии. По сей день не могу поверить, что родители отважились привезти с собой ребенка-колдуна и не бросили меня на произвол судьбы. А вот я сам сбежал со своей любовью и предал их. Ее веры в наше светлое будущее хватило на пять дней. Когда еда стала заканчиваться, как и деньги, а на очередном постоялом дворе мы спали по соседству с полчищем тараканов, моя невеста не выдержала и решила вернуться. Я не мог отпустить ее в одиночку, поэтому проводил обратно в Адрам, по которому в поисках меня уже рыскали отряды навилов.

– Не маловато ли улики для преследования? Всего лишь слова взволнованных родителей, – подозрение так и не исчезло из голоса Беркута.

– Ее отец – влиятельный человек в Адраме. Он сумел убедить командира роты навилов, что его дочь никогда по доброй воле не связалась бы с захудалым колдуном. Я не знаю точно, платил ли он этим скотам. По крайней мере, ходят слухи, что они падки на деньги.

– Тебя схватили?

– Почти. Отец служил в отряде городской стражи. Поэтому навиры и заподозрили, что он прикрывал наш отъезд. На подходе к городу мы встретили одного из сослуживцев отца, и тот рассказал, что случилось с родителями. Он отправил мою невесту домой, а мне велел убираться из столицы как можно скорее. В Адраме меня больше ничего не держало. Сдаваться этим ублюдкам я не собирался и не собираюсь. У меня своя правда. Драгоценная дочь вернулась к родителям, а я остался один.

– И ты сбежал? Сбежал, не попытавшись отомстить? – снисходительно уточнил Беркут.

Я прищурился и процедил:

– Что Мирея дала мне? Родителей, которых по чьей-то прихоти забрали навиры? Обвинение в темном колдовстве, которого я не совершал? Умирать по вине богачей, решивших, что их дочери не подходит простой рабочий, слишком бездарно. Меня предала эта продажная система, и я не выстою в одиночку в бою против нее. Жизнь одна, и я предпочту пожить подольше.

Беркут молчал, задумчиво барабанил пальцами по столешнице. Морщина меж его сведенных бровей не сулила мне ничего хорошего. Если командир отряда наместницы прогонит меня, к ней самой уже будет не подобраться. Так и уйду ни с чем. Впрочем, почему ни с чем? С позором...

– Недалеко от Адрама я наткнулся на отряд навилов. Как видите, они здорово отделали меня, но я сумел спрятаться в тених и ускользнуть. Навилы долго гнались за мной, но найти не смогли.

– У тебя есть власть над тенью? – изумился Беркут.

Я коротко кивнул и продолжил:

– Я много слышал о наместнице Амаль и ее отряде колдунов, поэтому решил попытаться судьбу и попросить у нее убежища. Мой дар в ее распоряжении.

Беркут снисходительно ухмыльнулся. Неужели не поверил в мой колдовской талант?

– Ты же понимаешь, что у нас есть шпионы в Мирее? – процедил он. – И если они узнают что-то, что ты от нас скрыл...

– Я был честен с вами. Могу повторить свой рассказ в присутствии чтеца тела. Уверен, хоть один такой служит наместнице.

Конечно же, я прекрасно знал, что это далеко не так. Чтецы тел, кому под силу прочесть сердцебиение и дыхание, были слишком редкими колдунами, чтобы навилы позволили ускользнуть хоть одному. Людей с такими необычными дарами в особое войско императора вербовали с детских лет, где их силы чествовали по достоинству.

Беркут многозначительно кивнул и открыл рот, чтобы продолжить, но не успел.

Дверь с грохотом распахнулась, и в кабинет ворвалась статная девица в той же форме, что и у здешних солдат, но совершенно черного цвета. Кожаная броня крепко обхватывала ее тело, к портупее крепились двое ножен с кинжалами, а руки покрывали перчатки. Непослушные кудрявые волосы цвета воронова крыла выбивались из длинной косы. Это смотрелось бы забавно, если бы не гримаса гнева, застывшая на ее лице. Девица не потрудилась даже постучать, а это значило...

Перед нами предстала сама наместница воеводы Нарамы, его младшая дочь Амаль. Девчонка, которой вот-вот стукнет двадцать, уже шесть лет держала в страхе Варосские земли. Люди с придыханием твердили о ее жестоком нраве и быстрой расправе. Она не щадила предателей, держала жителей города в железном кулаке, создала собственный отряд верных колдунов и окружила себя ими. В голове у этой девчонки жили демоны, не иначе! О ее силе не судачил только ленивый, как и о матери – сильнейшей ведьме Даира, приворожившей воеводу и родившей от него дочь. Люди сплетничали, что ребенок, рожденный от привороты, не человек, а зверь. Амаль и была им – зверем, которому дали в руки власть. И этой властью она упивалась.

Я невольно поежился под пронзительным взглядом черных глазищ. Наместница будто бы видела меня насквозь! Я поспешил отвести глаза, но сию же секунду мысленно дал себе подзатыльник и напомнил, что ни одна ведьма не обладает даром контролировать сознание человека. Силу им дает природа: земля и огонь, вода и ветер. Колдуны же могут обладать абсолютно любыми талантами, плести заклятия и насыпать проклятия. Мы не от матери-природы, мы – от демонов. Так, опять же, судачит людская молва.

– Ну и вонь, – сморщив нос, проворчала она и распахнула настежь большое окно. Свежий вечерний воздух живительной прохладой ворвался в душный кабинет, прояснив мои мысли.

– Этот человек пострадал от навилов. Они убили его родителей, – устало произнес Беркут, и наместница вновь сосредоточила на мне свое внимание. – Он просит убежища, но я склоняюсь к тому, чтобы отказать. Этот парень – преступник в Мирее. Его будут искать и, возможно, придут в Вароссу, ведь о вашем отряде ходит громкая слава. Зачем нам проблемы с навилами?

– Скажи-ка, бродяга, за что тебя преследуют навилы? – отмахнувшись от Беркута, отрывисто спросила Амаль.

– Меня оклеветали родители невесты, когда мы сбежали, чтобы тайно пожениться. Они убедили навилов, что я околдовал их дочь и увез насильно. Думаю, ее отец хорошо заплатил им. Навилы убили моих родителей, уверенные, что те знают, как меня найти. А они не знали.

– Почему ты не пошел к воеводе? – Амаль язвительно изогнула бровь. Ее оказалось не так-то просто разжалобить даже слезливой историей о навирах.

– Кто станет слушать простого рабочего? Навиры – элита, воины самого императора. Разве мог я обвинить их во взяточничестве? Мое слово против слова их командира – пыль. Я не хочу заканчивать жизнь на главной площади Адрама. Позвольте мне послужить вам. Я властвую над тенями и благодаря отцу неплохо натаскан в военном деле. Я мог бы стать одним из ваших солдат.

В черных глазах ведьмы не было сочувствия. Лишь снисхождение и брезгливость, столь явные, что мои зубы невольно скрипнули от злости. Она поджала губы и вновь сморщила нос, будто говорила с отребьем. Давно на меня не смотрели именно так – со склизким пренебрежением, столь же мерзким, сколь и оскорбительным.

– Мне не нужны новые солдаты. Эти люди – не чета тебе, перебежчик. Ты сбежал, чтобы спасти собственную шкуру. Да, мне жаль тебя и твою семью. Навиры – злобные твари, не щадящие ни стариков, ни детей. Но ты не достоин быть частью моего отряда. В рядах самоотверженных воинов тебе не место.

Она замолчала и окинула меня красноречивым высокомерным взглядом. Моя трусость вынесла мне приговор. Сбежавшему преступнику не найдется места в поместье наместницы. И это стало первой ошибкой в плане, составленном впопыхах, но с большими надеждами.

– Я всей душой ненавижу навиров за их бесчинства, поэтому позволю тебе остаться, – вновь заговорила Амаль. – Отправляйся в дом прислуги и найди Алию. Она подыщет тебе работу. И постарайся больше не попадаться мне на глаза. Я предпочту больше не вспоминать, что сжалилась над трусливым перебежчиком и приютила его. Мое решение может и измениться.

Амаль жестом приказала мне убираться. Я поднялся на ноги, ощущая себя куклой на шарнирах. Ее омерзительные слова отдавались внутри. Умалишенная ведьма стала вершительницей моей судьбы! Что может быть отвратительнее?!

– Если причинишь вред кому-то из жителей поместья, я тебя казню, – долетел до меня абсолютно равнодушный голос Амаль.

– Я пришел с добрыми намерениями, – мои слова прозвучали оскорбленно и печально. Наместница демонстративно отвернулась и потеряла ко мне какой бы то ни было интерес. Уже прикрывая за собой дверь, я различил строгий голос Беркута:

– Чего ты добиваешься, Амаль? Чтобы руки обуглились до костей? Сегодня ты с нами не пойдешь.

– Не смей мне приказывать. Здесь я принимаю решения, – отрезала наместница. Словам ведьмы вторил грохот. Хотелось бы верить, что это треснул ее череп.

– Как тебе девчонка? – шепнул я в пустоту, прекрасно зная, что Реф неизменно рядом. Любопытный старик никак не мог пропустить разговор, от которого зависела моя судьба на ближайшие месяцы.

– Слишком много мнит о себе и своем всесилиии. Власть в неподготовленных руках никогда не бывала во благо, – фыркнул Реф, не потрудившись даже появиться на глаза.

Солдаты наверху уже затихли. Близилась ночь. Уверен, они придерживались строгого режима. Беркут показался строгим командиром, не приемлющим отступлений от устава и распорядка.

Я выскользнул за дверь и неторопливым шагом пересек брусчатый плац, разрисованный белой краской. Сколько же подметок стоптано и мозолей натерто солдатами на этой площадке? В сердце шевельнулись воспоминания. Это место не шло ни в какое сравнение с плац-парадами Белярова и даже Адрама, столицы Мирей.

Даже внешне дом прислуги казался куда проще и уютнее солдатского корпуса – более напыщенного, но... казенного. Глиняные стены, длинная крытая галерея вдоль первого этажа,

над которой нависали стены второго, и простая двускатная крыша без украшений. На небольших освещенных окнах мне удалось рассмотреть разномастные цветастые шторы.

Я поднялся по скрипящему крыльцу, потянул на себя деревянную дверь с небольшим окошком в верхней части и шагнул в полутьму. Небольшие сени встретили меня неясным огоньком свечи в грубом металлическом подсвечнике. Деревянные половицы скрипнули под тяжестью моих шагов. Я толкнул следующую дверь, не такую толстую, как входная, и оказался в длинном коридоре, на стенах которого трепетали с десятков огоньков в масляных лампах. Низкий потолок почти что чиркал меня по макушке, а по левую руку расположилась узкая лестница с простыми деревянными перилами.

Я сделал несколько неуверенных шагов и замер в замешательстве. Где искать Алию? Не заглядывать же в каждую дверь. Или заглядывать? Мгновенно ответив себе на свой вопрос, я толкнул первую дверь справа и попал в уютную общую комнату с небольшой печью, низкими диванами для сидения с кучей вышитых подушек, искусно выполненной книжной полкой и столиком на причудливо изогнутых ножках, заваленным рукоделием, детскими игрушками и газетами.

Две оживленно болтавшие женщины захлопнули рты и удивленно осмотрели меня с головы до ног. Третья, молоденькая девушка лет семнадцати-восемнадцати, вышивавшая что-то невыносимо пестрое на белом переднике, пискнула от неожиданности. Ее глазищи, больше похожие на глаза олененка, испуганно расширились. Наверняка даже Шурале по сравнению со мной показался бы им симпатичным малым.

– В-вы кто? – строго спросила одна из женщин, худошавая дама лет сорока с заметной сединой в темных волосах, собранных в аккуратный пучок.

Надо отметить, все трое носили одинаковую одежду: длинные серые рубахи, из-под которых проступали штаны-шаровары из той же ткани, белые передники, отличающиеся лишь разнообразием вышивки, и легкие туфли без каких-либо узоров. За годы жизни вне родины я успел отвыкнуть от традиционных нарамских костюмов.

– Наместница приказала мне найти Алию, – как можно дружелюбней отозвался я.

– Вы говорили с Амаль Кахир?

– Я попросил у нее убежища.

Женщины растерянно переглянулись, по всей видимости, решая, можно ли верить окровавленному бродяге.

– Я позову ее, – вдруг вызвалась девушка, не дождавшись решения старших.

Напоследок она окинула меня жалостливым взглядом и убежала. Ее торопливые шаги разнеслись по пустынному коридору топотом, сравнимым со строем солдат. До чего же удивительно ее сострадание! Я для них грязный, окровавленный и странный незнакомец. Разве можно верить мне так безоговорочно?

Женщины смотрели с интересом, смешанным с подозрением, и молчали. Мне не предложили сесть, и я их понимал. Уверен, после меня еще и проветрят.

Через пару минут до нас донеслись приближающиеся шаги. Вслед за девчонкой спешила упитанная дама среднего роста с безукоризненно ровной осанкой и горделивым выражением лица. Несмотря на солидный возраст, который наверняка приближался к шестидесяти, седина в ее черных волосах мелькала не так уж ярко. Женщина была одета в добротную голубую тунуку почти до пят и серый камзол с цветастым орнаментом на груди, подпоясанный кушаком. Наряд беззвучно вопил о высоком положении своей хозяйки в поместье наместницы.

Женщина окинула меня внимательным взглядом и произнесла на удивление спокойным и мягким голосом:

– Зачем вы меня искали?

– Наместница сказала, что вы подыщете мне работу.

– Парень говорит, что попросил убежища, и Амаль Кахир его приняла, – влезла одна из женщин.

Алия с интересом изогнула бровь, все еще не сводя с меня взгляда.

– Что ж, утром я узнаю, где нужны лишние руки. Пока тебя не помешало бы отмыться. Пойдем со мной. Я дам тебе полотенца и чистую форму. Свою одежду сможешь постирать в купальне. Там есть тазы и мыло.

Я кивнул, не смея поверить в то, что наконец помоюсь и превращусь в человека. Алия решительным шагом покинула комнату, и мне пришлось поспешить, чтобы не отстать. Она пересекла коридор и, остановившись у предпоследней двери слева, отперла ту небольшим ключом из внушительной связки. Я с интересом заглянул внутрь. В большой кладовой теснились стеллажи, забитые постельным бельем, всевозможными полотенцами и одеждой. Двор наместницы уж точно не испытывал проблем с пополнением казны.

Алия окинула меня оценивающим взглядом, задумчиво почесала нос и потянулась к полке с форменной одеждой. Она достала две рубахи, двое брюк из ситца, два простеньких льняных жилета и двое кальсон... но очень странных. Их длина была вполовину меньше положенной. Когда Алия вручила мне этот ворох одежды, я с сомнением покосился на кальсоны и открыл было рот, но она меня опередила:

– Сразу видно, что неместный. Длинные кальсоны получишь осенью, а летом носи такие. Еще спасибо скажешь днем, когда солнце печет, как в преисподней.

Я захлопнул рот. Четко, ясно и по делу. Уж не служила ли эта женщина в армии? Голос мягкий, но интонация командирская, не терпящая возражений.

– Должны подойти. Если окажутся не по размеру, завтра дам другие, – Алия бросила передо мной пару темно-серых туфель из мягкой кожи.

Помимо всего прочего, она выдала мне три пары серых носков с небольшими завязками. Их обвязывали вокруг лодыжки, чтоб те не сползали. Хоть что-то здесь напоминало о доме! Хотя бы носки!

Алия всучила мне выдавшее виды хлопковое постельное белье, два льняных полотенца, кусок мыла и велела отправляться в купальню, которая оказалась за соседней дверью.

– Как отмоешься, поднимайся на второй этаж. Постучишься в третью комнату справа. Там пустует койка, – напутствовала она меня напоследок.

Я скользнул в купальню, склонив голову, чтобы не зацепить макушкой дверной косяк, и с интересом осмотрелся в помещении, освещенном всего одной свечой. На стенах висело целых четыре подсвечника, поэтому зажечь оставшиеся три мне ничего не стоило. Всего-то потребовалось сосредоточиться на трепещущем огоньке и пожелать, чтобы в комнате стало светлее. Миг, и от горящей свечи отскочили три искры, метнувшись к оставшимся подсвечникам.

Почти половину комнаты с маленьким оконцем под потолком занимали три деревянные кабинки, к каждой из которых из стены тянулись трубы. Наверняка на улице стоял большой бак с водой. Думаю, за жаркий день вода там почти что вскипела.

Справа высилась побеленная кирпичная печь. Сейчас на ней складировали железные тазы и ведра, в которых зимой грели воду. У стены слева примостились три умывальника, над каждым из которых висело небольшое зеркало.

Я прошел к первой кабине и заглянул внутрь. На дверце обнаружили два деревянных крючка. Недурно. Честно говоря, в моих ожиданиях здешний народ мылся в реке, вместо мыла натирался золой и знать не знал о водопроводе. Пожалуй, пора поумерить свою ненависть к Нараму.

Я сбросил в один из тазов грязную одежду и придиричиво осмотрел свое тело, покрытое синяками и кровоподтеками. Страх, да и только!

Из металлического крана полилась теплая вода, от мыла исходил едва различимый запах трав. В голове прояснилось по мере того, как в углубление с мелкой решеткой утекала грязная

вода. Я гнал от себя мысли о наместнице и первой неудаче. Работа прислугой – не то, что мне было нужно. Впрочем, познакомившись поближе с дурным нравом этой девицы, я бы искренне изумился, если бы сумел при первой же встрече войти к ней в доверие.

Постирав и развесив одежду на заботливо натянутые кем-то веревки, я сунул ноги в туфли, растоптанные задолго до меня, сгреб в охапку оставшиеся пожитки и направился к лестнице. Одним мимолетным желанием напустив на себя морок, я заглянул в общую комнату, но та оказалась уже совершенно пуста. Пришлось рассеивать тени и подниматься по скрипучим деревянным ступеням.

Длинный коридор второго этажа освещали те же масляные лампы. Я покрепче перехватил свои пожитки и тихонько постучал в третью дверь справа. Оставалось надеяться, что соседи не спят слишком крепко.

Когда реакции с той стороны двери не последовало, я постучал снова. Неясный шорох и тихие ругательства дали понять, что мое появление наконец замечено новыми соседями. Из-за двери послышался шуршащий звук серника, зажженного о трут.

Щелкнула щеколда, и на пороге возник высокий беловолосый юноша лет двадцати. Надо же, альбинос! Не такое уж частое явление. Рождение в семье такого ребенка испокон веков считалось даром Владыки.

– Ты кто? – совсем недружелюбно бросил мне юноша.

– Новый сосед. Алия определила меня в эту комнату.

– Ну, проходи, сосед, – альбинос посторонился, окинув меня любопытным взглядом.

Благо, я был уже чист и не пах ничем, кроме мыла. Но от ссадин на лице никуда не деться.

Увы.

Я проскользнул в комнату, оказавшуюся довольно тесной. Помимо альбиноса, там жил еще один паренек, на вид чуть старше его. Все до единой черты лица выдавали в нем коренного жителя Нарамы. Крючковатый нос и яркая родинка прямо посреди подбородка помогли мне запомнить нового соседа с первого взгляда.

Три кровати стояли буквой «П». Свободной осталась средняя, как раз под окном. Кроме кровати, в комнатухе помещались узкий шкаф и небольшой стол с двумя стульями. Возле двери висело круглое зеркало, под которым приколотили самодельную грубо обтесанную полку. На ней горела небольшая свеча, коробка с серниками и небольшой трут валялись там же.

– Ты откуда взялся? – с подозрением поинтересовался второй сосед, пока альбинос запирает дверь на щеколду.

– Я из Мирей. Попросил убежища у наместницы. Она меня приняла, – в который раз отчеканил я. – Меня зовут Ингар.

– Я Гарай, – представился альбинос.

– Я Дир, – неохотно подхватил второй сосед. – Кто тебя так отделал?

– Навиры. Они не очень-то дружелюбные ребята, – уклончиво ответил я. – Это длинная история.

Парни заинтересованно переглянулись, но лезть с расспросами не стали.

– Стели постель и задувай свечу. Только пошустрее. Мы уже спали, пока ты не ввалился без приглашения, – велел Дир.

Я мог бы запросто постелить себе и в темноте, но врожденное упрямство, подпитанное недружелюбным приемом, убедило этого не делать.

Уже через несколько минут я задул свечу и блаженно растянулся на жестком матрасе. После двух ночей, проведенных на голой земле, перьевая подушка казалась мягче облака.

– Ты сбежал от навирав? – донесся из темноты голос Гарая.

Нет, я недооценил их любопытство.

– Они убили моих родителей и чуть не поймали меня самого.

– Тогда понятно, почему наместница позволила тебе остаться, – пробормотал Дир. – Сильней навиров она ненавидит только своих братьев.

Глава 3 Душечка

Амаль

– Чего ты добиваешься, Амаль? Чтобы руки обуглились до костей? Сегодня ты с нами не пойдешь, – в голосе Михеля послышалась сталь. В который раз он настойчиво ограждал меня от происходящего. И уже в который раз его попытка не увенчается успехом.

– Не смей мне приказывать. Здесь я принимаю решения, – отрезала я и с душой треснула кулаком по столу.

Обожженная рука отозвалась ослепительной вспышкой боли, отчего с губ слетело короткое «Шурым!¹». Услышь отец, что я так выражаюсь, он бы непременно покачал головой и разочарованно поцокал языком. Невоспитанный ребенок, извечная головная боль, виновница всех его несчастий. Это все я – незаконнорожденная дочь.

– Наине, когда же ты повзрослеешь? – протянул Беркут.

В его зеленых глазах я, как и всегда, прочла спокойный укор. Наине... Дурашка в переводе с ныне мертвого нарамского языка. Лишь от Михеля я готова была терпеть это прозвище. Верный страж дал мне его еще в тот памятный вечер, когда с бешенством раненого медведя отбил от банды насильников. Впрочем, до его появления я прекрасно справлялась сама.

– Ты предлагаешь отсидеться за спинами солдат, пока Вароссу окутывает тьма? – мой голос понизился до угрожающего шипения. Ха! Перед кем я пыжусь? Михель никогда не боялся меня.

– Позволь коже затянуться. Целитель слезно умолял меня поговорить с тобой. Рукам необходим покой. Хотя бы пару дней, Амаль. Мы в состоянии истребить змей и без твоего пламени.

– Кто-то из тварей может просочиться в город, пока вы будете убивать их по одной, – фыркнула я.

---

¹ Бес! – перевод со старонарамского языка

– Уж со змеями как-нибудь справимся, – оскорбился Беркут. – Отряд патрулирует окрестности, и я лично возглавлю первую группу. Ты можешь немного отдохнуть. Пока не поймем мерзавцев, будем сопровождать путников, покидающих город. Зачем тебе ехать и проводить очередную ночь без сна?

– Михель, ты опытный воин! – воскликнула я. – Неужели думаешь, что твари, притаившиеся рядом с Вароссой или даже в ее подворотнях, останутся на троих жертвах?! Убийства продолжатся, пока мы не поймем их за руку и не сгноим заживо!

– В таком случае, очень недальновидно с твоей стороны принять ко двору незнакомца, – процедил Беркут. – Мы ничего о нем не знаем, кроме слезливого рассказа о несчастной любви и жестокости навиров. Что, если это и есть тот, кого мы ищем? Вдруг погань решила схорониться в самом безопасном месте – у нас под носом?

– Мне стало его жаль, – пожала плечами я.

Беркут тысячу раз прав, но слова перебежчика о родителях, погибших от рук навиров, заставили сердце тревожно встрепенуться. Не так часто мне приходилось сочувствовать людям, и этот заморыш попал в их малое число. Уж слишком глубокие рубцы оставила на моей душе жестокость навиров. И не только на моей. Она пропитала собой нарамскую землю вместе с кровью наших солдат.

Когда-то Нарам был велик. Страна завоевателей, окруженная горной грядой. Держава-колонизатор, покорившая Мирею и Фадаят. Горы, населенные духами и демонами, оберегали наши земли и вековые традиции. Пока два века назад не пришли навирь. . . Белоярская империя поставила Нарам на колени, уничтожив его армию. Она сломала великое государство, отобрав и колонии, и независимость. Огромная империя обрела три новые провинции и расплылась на весь материк, став практически неуязвимой для захватчиков с других континентов.

С тех кровавых пор в горах обитают разве что банды разбойников, а в душах нарамцев живет память о беспощадности особых войск императора.

– Отправь посыльного в Адрам. Пусть проверит историю перебежчика. Поручи солдатам и прислуге ненавязчиво наблюдать за ним до получения вестей. Уверена, что бродяга не тот, кого мы ищем, но осторожность не помешает. Ритуальное убийство – слишком темная материя, чтобы не оставить след на человеке. Я бы уловила мерзкий шлейф колдовства, но от заморыша воняло только потом.

Беркут поднял брови в изумлении. Готова поспорить на сотню золотых лежер, что его так и подмывало недоверчиво спросить, откуда мне известен запах ритуального колдовства. Имей Михель такую же мать, как моя, не задавал бы глупых вопросов. Детство, проведенное с ней, многому научило меня – как магии, так и силе духа.

– Все равно я велю внимательно за ним присматривать, – стоял на своем Беркут. – Что-то в этом герое-любовнике меня смущает.

– Вонь? – язвительно уточнила я.

Ответить ему не дал молодой солдат, опасливо заглянувший в кабинет после короткого стука. Паренек почтительно склонил голову передо мной и обратился к своему командиру:

– Отряд готов выдвигаться. Ваш конь запряжен.

– Вели запрячь и Тайфуна. Я еду с вами, – холодно приказала я.

Солдат кивнул и поспешно скрылся за дверью. Тяжелый вздох Беркута красноречиво обрисовал, что он думает о моей затее. Но сегодня я к нему не прислушаюсь.

Ночь полнолуния мне пришлось ждать с замиранием сердца и предчувствием неотвратимой беды. И оно не подвело. Три дня назад нашли последнюю жертву. Тело несчастной девушки – истощенное, иссушенное и оплетенное змеями – убийца бросил прямо у кромки леса. Ее морщинистая кожа походила на высохший цветок, а само тело будто несколько веков пролежало под палящим солнцем. Убийца неведомым образом истощал своих жертв, будто бедняжки голодали на протяжении долгих лет, а после – превращал в сухие подобия людей.

Советники упоминали, что такие останки встречаются в пустынях, но уж никак не в полной зелени Вароссе.

Мы с Беркутом в грозном молчании обошли солдатский корпус и приблизились к конюшне. На покрытой утрамбованным песком площадке уже собрались два десятка солдат. Те, за кого Михель ручался головой. Его воспитанники и костяк всего моего отряда.

Конюх как раз вывел Тайфуна под уздцы. Я забрала поводья и ласково погладила вороного коня по лоснящейся шее. Чистокровный насадский жеребец, отца которого привезли из-за моря специально для воеводы Нарама, казался огромной тенью, как и я сама – единственное черное пятно среди солдатской формы коричневого цвета. Впрочем, в ночи мы все походили на кучку неясных темных очертаний.

Уже через пару минут четкий строй, возглавляемый мной и Беркутом, двинулся к воротам. Цокот копыт в тишине разносился по брусчатому плацу звенящим эхом. Поместье наместницы засыпало, в отличие от нее самой. Стражники предусмотрительно распахнули ворота, стоило им слышать приближение лошадей, и застыли в поклоне. Я сдержанно кивнула и жестом приказала поднять головы. Никогда не любила долгих церемоний.

Наш строй шествовал по центральной улице, нерушимый и ровный. Редкие горожане, еще не разошедшиеся по домам, услужливо сторонились нас. Каждый знал, кто перед ним. Моя персона вызывала нервный трепет в сердцах жителей Вароссы.

Однако еще шесть лет назад и советники, и знать, и солдаты империи смотрели на меня иначе: надменно и свысока.

Четырнадцатилетней девчонке оказалось не по силам установить контроль над Варосскими землями и удержать их в кулаке. Два года мне потребовалось, чтобы окончательно повзрослеть и почувствовать себя хозяйкой города роз. Открытое противостояние зажавшейся знати, несколько показательных арестов и одна громкая казнь подняли мое влияние на совершенно новую вершину. Правда, без Беркута и отряда колдунов, заботливо им созданного и натренированного, меня давно сожрали бы собственные советники, посаженные заботливым папенькой.

За шесть лет наместничества я заработала дурную славу, разлетевшуюся далеко за пределы Варосских земель, безусловное уважение горожан и опасливое подчинение совета. Мне было плевать на пустой треп о моем бесовском происхождении, зверином нутре, гнилой душе и, конечно же, о матери. О ней судачили и в Вароссе, и в Даире. Слишком много шуму маменька наделала за свою яркую жизнь. Все, что о ней говорили, не имело ничего общего с истиной. Одни присказки и домыслы. Моя мать намного хуже, чем злословил народ. Как и я сама. Зверь, рожденный от приворота. Но этот зверь рвал врагов, защищая свои земли, как никто из досточтимых господ не осмелился бы.

Город прочесывали патрули имперских солдат, мы же следовали за стены Вароссы. Привратники с трудом открыли тяжеленные ворота, пропуская наш строй во тьму. Беркут разделил солдат по трое. В нашей группе оказались четверо: я была либо лишней, либо запасной. Как посмотреть. Впрочем, никто из спутников не был мне нужен. Я приехала сюда не патрулировать и не уничтожать змей, осадивших город. Сегодня моей целью был лес.

Полная луна нависла над вершинами исполинских деревьев. Мы двигались по главному тракту, не зажигая огней. Тишину разрывали лишь далекие звуки засыпающего города, дыхание лошадей да приглушенный утопанным грунтом стук копыт. Достигнув кромки леса, я спешила и вручила Беркуту поводья, на что Тайфун отреагировал абсолютно равнодушно. Михеля он любил.

– Амаль Кахир, вернитесь в седло, – с нажимом потребовал Беркут, но приказ повис в воздухе, исчезнув в утекающих мгновениях.

– Командуй группой. Я здесь не для патрулирования, – осадил его я.

Лицо Михеля скрыла мгла, разрываемая светом луны, но его испепеляющий взгляд проник в самое нутро. Не спасала даже кожаная броня.

– Мы не обсуждали другой план действий, – в голосе Беркута послышалась угроза.

Потому и не обсуждали. Он последовал бы за мной в чащу. Я не могла этого допустить. Безнаказанно входить во владения Шурале в полнолуние позволялось только мне. Остальных коварные блудники заманят в самую чащу на растерзание лесным тварям. Жители Вароссы и без того опасались Нечистого леса, а уж завидев полную луну, и вовсе не казали носа за городские стены.

Беркут прекрасно знал о моем особом положении, но не был бы мне ближайшим другом, если бы не попытался увязаться следом.

– Лес примет меня сегодня. Никто из вас не посмеет сунуться следом, иначе столкнется с моим гневом, – предупредила я, понизив голос. – Это касается главным образом тебя, Беркут. Доверяй мне и моим решениям.

– Я дождусь вас здесь, – процедил Михель.

Оскорбился. Пусть пышет гневом, сколько влезет! К тому же Беркут никогда не злился на меня долго. Даже когда я пригвоздила руку старшего советника кинжалом к столешнице за ядовитое напоминание о моем статусе внебрачной дочери воеводы.

Тайфун всхрипнул и сердито скovyрнул копытами землю, стоило мне приблизиться к первым деревьям – границе владений хозяина леса. За ними клубилась плотная мгла, не нарушаемая даже мертвенно-бледным светом луны.

Обожженные ладони отозвались раздражающим зудом, стоило стащить перчатки. Целящие мази действовали, наращивая новую кожу, но она все еще оставалась слишком чувствительной. Сегодня я вновь сожгу ее, и утренние старания целителя пойдут прахом.

Небольшой огонек затрепетал на ладони, и я стиснула зубы. Даже малый жар приносил страдание. О большом пламени лучше и не помышлять, иначе руки и вправду обуглятся до костей, как и предрекал Беркут.

Я дунула на огонек, и он повис в воздухе. Зуд в ладони сменился тупой болью, уже привычной и даже почти родной. Огненный сгусток плыл на шаг впереди, разрывая теплом и светом бархатную тьму, накрывшую лес призрачным саваном. Под ногами хрустели сухие ветки, оповещая о госте, которой дозволено войти во владения хозяина леса. Правда, не с ним мне сегодня предстояла встреча.

Я углублялась в чащу, отмечая звенящую тишину вокруг. Даже ветер не гулял в ветках. Лес замер. Он наблюдал и выжидал. В полнолуние здесь всегда бывало особенно жутко. Шурале давал волю своим подданным, и в эти ночи они обретали невиданную силу.

– Тебе снова что-то нужно? – мелодичный голос раздался в мыслях внезапно, но я ждала его.

– Нужно, Душечка, – слова прозвучали ласково, будто я говорила с любимой сестрой.

Сгусток огня осветил существо, выглянувшее из-за ближайшей сосны. Молодое, но уродливое получеловеческое лицо, белоснежные волосы, горбатая спина, тонкие руки и ноги, длинные пальцы с острыми когтями – дочь Шурале не назвал бы миловидной даже отъявленный забулдыга.

Душечка (как она сама просила себя называть) неторопливо приблизилась, и моего носа достиг отчетливый запах прелой листвы. Дочь Шурале приветливо развела руки в стороны и бросилась ко мне с объятиями. Я привыкла к ее бурному выражению любви, поэтому радушно обняла Душечку в ответ, старательно не обращая внимания на покрытую капельками пота склизкую кожу. Два года назад ее неожиданные объятия подтолкнули меня к позорному побегу. Мчалась я тогда быстрее рыси, аж пятки сверкали. Страх подгонял пуще розг.

Позже мне пришлось долго просить прощения у обиженной до глубины души Душечки и в знак примирения преподнести перстень с рубином, подаренный мне отцом на тринадцатый

день рождения. По правде говоря, избавиться от него я была даже рада. С тех пор каждую нашу встречу дочь Шурале обзаводилась новым украшением и становилась на удивление стоворчивой. Вот и сегодня я не нарушила традицию и достала из кармана штанов золотую брошь в виде ящерицы.

На лице Душечки расплылась радостная улыбка, и цепкие пальцы выхватили у меня подарок. Она вертела в руках несчастную ящерицу, рассматривала, примеряла к мешковатым лохмотьям, громко звавшимся платьем, и даже попробовала на зуб. Прицепив брошь на ткань, под которой болталась обвисшая грудь, Душечка осталась довольна.

– Я даже знаю, о чем ты хочешь меня расспросить, – ее голос вновь зазвучал у меня в голове.

Дочь Шурале говорила неясными скрежещущими звуками. Со мной же она предпочитала общаться мысленно.

– У границ Вароссы убивают девушек. Молодых, здоровых и невинных. Их тела иссушены, и сделано это темной магией. Я подозреваю, что жертвы выбраны неслучайно. Еще и змеи сползаются к городу, будто где-то здесь поселился их царь. Наверняка чувствуют тьму.

Душечка слушала меня, по-птичьи склонив голову, и задумчиво кусала бескровные губы. Ей не нравилось происходящее. Ой как не нравилось.

– Змеи ползут через наш лес больше месяца, и нет им конца, – процедил ее голос. – Ты права, Малечка, скверна манит их, зовет к себе в объятия. Она исходит от колдуна, бродящего по окрестностям. Он скрыт черным плащом и ни разу не показал лица. Вокруг душегуба витают темные сущности, они и скрывают своего хозяина от чужих глаз.

– Он прячется в лесу? – с надеждой спросила я.

– Нет, что ты! Папенька удавил бы его собственными руками, если б поймал! Он у меня хоть и злобный, но молодых девок ни за что ни про что не трогает! Им еще детей рожать! Убивец держится ближе к городским стенам и к лесу не суется. Чувствует, что здесь смерть его ждет.

– Тогда где он? – мое сердце тревожно замерло.

– В городе. Он всегда появляется оттуда, – Душечка с готовностью подтвердила мои худшие опасения.

– То есть у меня под носом уже полтора месяца прячется нечистая сила?! А мы, дураки, рыскаем за пределами Вароссы!

Дочь Шурале картинно вздохнула и заломила руки.

– Если бы я могла поговорить с тобой раньше, то непременно все рассказала бы.

– Я знаю, Душечка, знаю, – заверила ее я, понизив голос. Шурале отпускал свою драгоценную дочурку из заколдованного сердца леса лишь в полнолуние, когда ту могла защитить напитавшаяся силой нечисть. – Скажи, не бывало ли в лесу странных путников в последнее время? К моему двору прибился бродяга. Говорит, что пришел из Мирей.

– Был тут один. Путь держал из Лирая. Побитый, как собака, спал прямо на земле.

Значит, не врал перебежчик. Лирай ютится на границе с Миреей. Дальше – горы, которые бродяге пришлось преодолеть в одиночку.

– Могущественный колдун попросился тебе ко двору, – добавила Душечка. – От него исходит большая сила. Еще и существо это...

– Какое существо? – насторожилась я.

– Рядом с колдуном держалось... нечто. То ли тень, то ли морок, облачавшийся в разные обличья. Я никогда не видела ничего подобного. Это какой-то... сгусток чистой силы... и одновременно будто неупокоенная душа.

– С чего ты взяла, что существо держалось рядом с путником? Может, оно пыталась сожрать его?

– Нет. Тень помогала мальчишке, остановила кровь, показала брод через реку и отгоняла от него моих названных братьев и сестер. Она прячется от солнца и не показывается под его лучами.

Я задумчиво почесала голову, силясь припомнить что-нибудь похожее в прочитанных книгах о нечисти. Неупокоенная душа и морок. Ни о чем подобном никогда прежде мне слышать не приходилось. Что за темное мирейское колдовство?!

– Существо несет в себе зло? – выдавила я, терзаемая дурным предчувствием.

– Оно обладает скверным характером, но нечистой силой не пахнет. Это какая-то неведомая мне магия, только и всего, – беззаботно ответила Душечка. – Путники разбавили нашу скуку, а то в последние несколько лун ни одна живая душа и носа не кажет в чашу от страха. Сколько трусов в округе развелось! Ни одного смельчака!

Я согласилась с дочерью Шурале и, поблагодарив ее за помощь, направилась прочь. Душечка исчезла так же неслышно, как и явилась. Лишь на прощание чмокнула меня в щеку, чем вызвала неистовое желание сейчас же умыться.

Огненный ступок висел перед глазами, но я почти не видела его. В голове, будто потревоженный улей, роились дурные мысли. Надежда, что встреча с Душечкой даст мне ответы на вопросы о твари, орудующей у городских стен, умерла в муках.

Неясное шуршание, раздавшееся совсем неподалеку, вырвало меня из размышлений. Я повела рукой вниз, направляя огонек к земле, и зарычала от злости. Снова змеи! Неужели все гады материка сползлись к моей Вароссе?!

Сжечь их в лесу значило проявить неуважение к Шурале. Хозяин леса питал бесконечную любовь ко всему живому... кроме людей, конечно же. За убийство змеи в своих владениях Шурале жестоко накажет. И плевать ему, кто перед ним – крестьянка или правительница Вароссы.

Я перешагивала через ползучих гадов, мысленно обещая испепелить каждую, стоит им покинуть границы Нечистого леса. Змеи держались на почтительном расстоянии, признав во мне ведьму. Мы – продолжение матери-природы, ее дети. Все живые существа тянутся к ведьмам и ведьмакам, никогда не причиняя вреда, в отличие от нас самих.

Деревья редели, и впереди потихоньку проступали огни на городских стенах. Неподалеку я разглядела группу Беркута. Тайфун одиноко брел за ними, ведомый Михелем за поводья.

Я громко свистнула, привлекая внимание. Беркут отпустил Тайфуна, и тот послушно потрусил в мою сторону, ведомый даром друга подчинять животных своей воле. Благодаря таланту Михеля мое поместье славилось необычными крылатыми почтальонами – устрашающими, но на удивление надежными беркутами.

Взобравшись в седло, я создала еще два огонька и зашипела от боли. Беркут прав – мои руки сегодня ни на что не годились. Ступки пламени осветили землю под копытами коня. Змеи еще не покинули лес. Что ж, подождем.

– Ты цела? – опасливо спросил Михель, приблизившись. За ним последовали и оставшиеся двое солдат.

– Со мной все хорошо, но дела у нас хуже некуда, – мой голос звенел от гнева. – Тварь все это время скрывается в Вароссе. Змеи тянутся к темной силе, поэтому и ползут к городу. Сегодня мы их уничтожим. Снова.

Беркут тяжело вздохнул и покачал головой. Уже в который раз за прошедшие шесть недель нам приходилось убивать полчища ползучих гадов. Они стекались к Вароссе огромными группами, но появлялись не каждый день, а лишь по их собственному расписанию. Никто не мог предугадать, когда незваные гости нагрянут вновь. Неизменным оставалось одно: змеи покидали лес лишь во тьме и отчаянно стремились к городу, но мои солдаты истребляли их с неистовой жестокостью.

Каждый раз Беркут уговаривал меня остаться в поместье, и каждый раз я не слушала. Уничтожение змей стало для меня делом чести. Если хоть одна тварь проникнет в город, там поднимется паника, и это станет началом конца. Не хватало еще, чтобы о происходящем узнал отец...

Все двадцать солдат, собранные Беркутом, рассредоточились по пустоши в ожидании гадов. Я потеряла счет времени, погрузившись в молчание и ожидание. Наконец огонек выхватил из темноты едва заметное движение в траве. Что ж, добро пожаловать в преисподнюю.

Солдаты действовали слаженно. Мы проделывали этот финт не раз и не два. Ведьмаки силой мысли плели воздушные стены, не выпуская змей из нашего круга. Они гнали гадов в мою сторону – навстречу мучительной гибели в пламени.

Никому из ведьмаков отряда огонь не служил так верно, как мне. Из четырех природных стихий воздух и земля поддавались чаще. Вода слыла капризной силой, а уж огонь и подавно. Мне он покорился с пугающей легкостью, чего не скажешь об оставшихся трех гранях ведьмовской силы. Воздух слушался неохотно, и то лишь соприкасаясь с огнем.

Впрочем, не существует ведьмы или ведьмака, кому все четыре стихии покорились бы одинаково. Одна всегда преобладает. Во мне главенствовало пламя, и это было... пугающе. Ожоги, ставшие моими верными спутниками, отличали меня от других ведьм и ведьмаков, которым подчинилась эта своенравная стихия. Я обладала необычайной огненной мощью, но и платила за нее сполна. Заплачу и сегодня...

Четверо мастеров заклятий сосредоточенно сплетали появлявшиеся из ниоткуда нити магии, что светились холодным светом, будто далекие звезды. Сила колдовства ширилась, ползла по земле и сгоняла змей все ближе к их гибели. Они шипели, выворачивались, но оказались не в силах противиться неведомой мощи. Тайфун недовольно переминался с ноги на ногу и фыркал, мотая головой. Его возмущало такое соседство.

Когда змей вокруг скопилось достаточно, я на миг зажмурилась, готовясь к боли, и выпустила пламя наружу. Оно сорвалось с ладоней, кожа на которых в тот же миг запузырилась.

Огонь пожирал змей вместе с травой, служившей им убежищем. Я вопила от боли, не в силах сдержаться. Запахло паленой кожей. Надеюсь, это воняли ползучие гады, а не мои сожженные руки...

Творец, как же больно! Но я стерплю. Не могу не стерпеть.

Перед глазами плясали мушки, а руки пульсировали огненной болью. Я почувствовала, что заваливаюсь на бок, носильные руки Беркута подхватили меня и помогли удержаться в седле. Как и всегда.

– Я предупреждал, – мягко попенял он и с братской заботой убрал с моего потного лба налипшие пряди. – Когда-нибудь ты сожжешь себя дотла, наине.

– Мой город сегодня может спать спокойно, – пробормотала я заплетающимся языком.

– Зато тебе спать уж точно не придется. Целитель Гаян удавит меня собственными руками.

* * *

Я откинулась на мягкую спинку топчана и аккуратно поставила на маленький деревянный столик чашку с крепким кофе. Он божественно пах корицей, а нежнейший лукум своей сладостью на пару мгновений позволил забыть о жжении под черными шелковыми перчатками. Старый раскидистый каштан днем скрывал мое излюбленное место отдыха от палящих солнечных лучей, но сейчас, когда мягкий закатный свет окрасил сад и крышу дома в благородное золото, дерево погрузило топчан в полумрак.

Зной отступил до утра, и долгожданные дуновения прохладного ветра ласково прикоснулись к открытой шее и ключицам. Приятная прохлада шелкового платья не спасала от нарамской жары.

Сегодня, оказавшись неспособной даже согнуть пальцы рук, я вынужденно доверила свое тело рукам прислуги. Две молодые девушки умыли и одели меня, причесали и даже заплели приличную косу. Не каждая могла справиться с моей копной кудрявых волос. Не забыть бы лица этих девочек на случай следующего ожога.

Лекарь Гаян пришел в бешенство, осмотрев мои истерзанные пламенем руки. Никогда прежде я не обжигала их несколько дней подряд. Кожа попросту не успевала восстанавливаться и после каждой ночной вылазки выглядела все плачевней. Даже шелковая материя перчаток сегодня причиняла мне боль, как и маленькая чашка, поднимать которую приходилось с особой осторожностью.

Весь день я старательно гнала от себя чувство голода, но сдалась на закате, когда тоскливое ожидание в компании с книгой прервало жалобное урчание живота. Пришлось сцепить зубы и потревожить руки. Просить о помощи с едой было бы слишком унижительно для правительницы Вароссы. Не хватало еще, чтобы Амаль Кахир кормили с ложечки!

Чашка опустела до неприличия быстро, как и расписная тарелочка с лукумом. Украдкой оглядевшись, я прижалась измазанными в сахарной пудре губами к внутренней стороне локтя и вытерла их о голую кожу. Никто не видел, а значит, ничего не было.

Солнце склонилось к горизонту, и полумрак принял Вароссу в свои тенистые объятия. Вскоре зажгут фонари, и прекрасный сад озарит мягкий свет огней. Нет ничего лучше, чем бродить по едва освещенным дорожкам в блаженном одиночестве и вдыхать сказочный аромат роз. В саду моего поместья росли десятки их видов, окружая дом густым разноцветным ковром. В сложные дни, когда хотелось выть и царапать стены ногтями, прогулки приносили мне умиротворение, но сегодня я здесь не за этим.

Потребовалось приложить немало выдержки, чтобы двумя пальцами схватиться за позолоченный колокольчик и позвонить. Вскоре из-за дерева вынырнула одна из помощниц поварихи с серебряным подносом, зажатым под мышкой. Одной рукой она торопливо поправила покосившуюся тюбетейку и остановилась рядом в ожидании, хлопая огромными глазами.

При виде неудобств, доставляемых головными уборами женщинам Нарамы, я не переставала мысленно благодарить мать за привитое мне отвращение к устаревшим традициям. Она никогда не покрывала голову, доводя бриллиантами в густых черных волосах сплетниц и завистниц до злобного исступления. Я брала пример с матери, чем первое время вызывала в Вароссе недоумение.

В старину женщины покрывали головы платками, внимая воле Творца, донесенной проповедниками, в то время как мужчины носили тюбетейки исключительно для защиты от жгучего нарамского солнца. Ну, и в угоду моде, конечно же.

Издrevле считалось, что красота жены предназначалась для услаждения взора мужа. Женщин оберегали от чужих глаз, считая богатством, любоваться которым вправе лишь тот, кто его купил. Да, в старину жен покупали, словно породистых скакунов, становясь их полноправными хозяевами, но в наши просвещенные времена традиции предков изжили себя. Сказалось и влияние Белоярской империи. Женщин больше не покупали у родителей, некоторые из них даже получили возможность выбирать, за кого идти замуж.

Тюбетейка все-таки слетела с головы помощницы кухарки, отчего мои губы растянулись в снисходительной ухмылке. Я велела ей забрать пустую посуду и позвать нового рабочего. Еще утром Алия отчиталась, что пристроила новичка разнорабочим на кухню. Среди женщин как раз не хватало мужских рук.

Не прошло и пары минут, как отмытый и переодетый в одежду прислуги перебежчик предстал передо мной, почтительно склонив голову. Его разбитая верхняя губа распухла, пере-

косив все черты смуглого лица, а под глазом отливал зеленцой внушительный синяк. Чистые черные волосы спадали на лоб, прикрывая большую ссадину. Наверняка все тело перебежчика покрыто ими, но он держался гордо и прямо, не выказывая боли и усталости.

– Как ты устроился? – вкрадчиво спросила я.

Рабочий вновь почтительно склонил голову и ответил:

– Лучше, чем мог бы надеяться. Спасибо.

– Я дала тебе крышу над головой... Напомни, как тебя зовут?

– Ингар, наместница.

– Я дала тебе крышу над головой, Ингар. И что получила в ответ? Ложь...

Перебежчик вскинул голову и возрился на меня с недоумением.

– Кого ты скрыл от меня?

– Я не понимаю... – начал было он.

Я жестом приказала лгуну замолчать.

– Не смей врать мне в лицо. Я знаю, что за тобой следует существо, о котором ты и словом не обмолвился ни мне, ни Беркуту. Что это за бестелесный шпион? Пусть покажется!

На лицо рабочего вновь вернулось равнодушное выражение.

– Реф, ты слышал? Тебя позвали, – буркнул он в пустоту.

Я невольно вздрогнула, когда на расстоянии меньше вытянутой руки – прямо на соседней подушке, которую обычно занимал Беркут, – сгустилось марево. Мгновенье, и оно обрело четкие очертания карликовой лисы. Призрачный фенек был почти неотличим от настоящего. Такого колдовства я еще не встречала! От существа не веяло темной магией, но уже само его существование вызывало во мне оправданную тревогу. И открывало множество возможностей...

Лис грациозно поднялся на лапы, зависнув над подушкой, и... отвесил мне легкий поклон. Я вдохнула, да так и забыла выдохнуть. В этом жесте скользила неприкрытая издевка.

– Кто ты такой? – выдавила я.

Лис вновь уселся на задницу, не касаясь подушки, и подчеркнуто вежливо ответил мягким мужским голосом:

– Меня зовут Реф, наместница. Я проводник этого юноши. Смею заверить, что он не рассказал вам обо мне лишь по одной простой причине: вы бы его прогнали. Увы, нам не доводилось встречать людей, которые отнеслись бы ко мне с доверием. Даже сам Ингар при нашей первой встрече вопил от страха и бросался в меня всем, что попадалось под руку. Глупый мальчишка решил, что рехнулся.

Я с недоверием переводила взгляд с лиса на перебежчика и обратно. Новый рабочий выглядел невозмутимым и ничуть не виноватым. Посмел обмануть правительницу города и не каялся! Подумать только!

– Кто тебя сотворил? – вновь спросила я у лиса.

– Многоуважаемая прапрабабка Ингара. Я родился человеком, и мы с ней были очень дружны в детстве, даже влюблены друг в друга. В юном возрасте меня забрала смерть от лихорадки, но мир людской не отпустил мою душу. Я остался привязан к родным местам, и одна лишь Самира, будучи сильной колдуньей, чувствовала меня. Я сумел проникнуть в ее сны и попросить о помощи. Несколько лет она проводила шаманские ритуалы, но так и не сумела отправить мою душу к Творцу. Тогда Самира решила подарить мне больше свободы и вложила в меня частицу своих сил. Она мастерски управляла миражами и поселила мою душу в один из них. С тех пор я обрел подобие тела и до самой ее смерти верно служил моей любимой. Уже на смертном одре Самира взяла с меня клятву помогать ее потомкам-колдунам. Почему-то природа обделила ее детей, внуков и правнуков магической силой, отчего мне пришлось ждать рождения Ингара много лет.

– Как говорит Реф, зря, – фыркнул перебежчик и криво ухмыльнулся. Улыбка из-за разбитой губы получилась перекошенной.

Я чуть заметно скривилась, не оценив ехидства. Не в том он был положении, чтобы позволять себе такие вольности.

– Что ж, с этим разобрались. Осталось решить одну маленькую проблему: как я могу быть уверена, что ты не следишь за мной? Мне было бы проще выгнать вас отсюда взашей, – проигнорировав рабочего, я повернулась к его... питомцу.

– Я вам интересен, наместница, – ничуть не испугавшись, парировал лис, и в его напускной филигранной вежливости проступило хвастовство. – Подобной магии вы еще не встречали. А еще я вам симпатичен.

Я громко фыркнула, понимая, что Реф абсолютно прав. Бестелесный карликовый лис приглянулся мне самим своим существованием. В голове мелькали идеи, как его способность сливаться с окружающим миром могла бы помочь мне вычислять предателей в своем поместье. Неоценимый дар! Как и у его хозяина. Кажется, вчера перебежчик обронил, что умеет отводить взгляды... Только бы быть уверенной, что им обоим можно доверять.

– Поклянись, что не выдашь моих тайн, – приказала я Рефу.

– Клянусь, – с готовностью кивнула тень

– Не-ет, так не пойдет, дружок, – я злорадно усмехнулась, понимая, как неумело лис пытался меня провести. – Клянись силой родной земли и магии, из которой состоишь, что не выдашь моих тайн ни одной живой душе, включая своего... хозяина. Если нарушишь клятву, я изгоню тебя в преисподнюю.

– Простите мою дерзость, наместница, но Самира была сильнейшей колдуньей, и ей это оказалось не под силу. Не подумайте, что сомневаюсь в ваших силах...

– Но именно это ты сейчас и делаешь, – прервала я его угрожающим голосом. – Возможно, твоя создательница и была сильной колдуньей, но моя мать – сильнейшая ведьма Дaira. Слышал когда-нибудь о Мауре?

Тень почтительно кивнул, растеряв свою наглость.

– Народная молва слагала легенды о ее силе, как и о вашей.

– Как думаешь, врут? – прищурилась я.

– Ни в коем случае.

– Тогда дай клятву и держись от меня подальше, пока не позову. Теперь ты будешь служить и мне, как хозяйке своего хозяина. Уж я придумаю, как использовать ваши таланты.

– Я обязан служить лишь потомкам своей создательницы. При всем уважении, наместница, вы мне никто, – отрезало существо.

– Твой хозяин живет в моем поместье и на моей земле. Я могу сейчас же отправить его под конвоем в Мирею, как жест доброй воли, и укрепить отношения с тамошним воеводой. Разве этого ты хочешь для Ингара? Хочешь, чтобы его казнили навиры?

Лис покосился на хозяина, и его уши смиренно опустились.

– Клянусь силой земли, питающей мое существо, и магией, создавшей меня, не выдавать тайн наместницы Амаль ни одной живой душе.

Я удовлетворенно ухмыльнулась. Заполучить бестелесный морок в соратники – большая удача. Все же помощь Душечки оказалась бесценна.

– Ты умеешь исцелять раны? – спросила я, с сомнением покосившись на разбитое лицо перебежчика.

Реф горестно вздохнул и ответил:

– Мне досталась всего крупница сил Самиры. Уж она была выдающейся целительницей. Я способен лишь на то, чтобы остановить кровь и очистить рану. Иногда этого оказывается достаточно. Имей я возможность исцелять, с превеликим удовольствием облегчил бы боль Ингара и залечил его раны, нанесенные навирами.

– Жаль, – я равнодушно пожала плечами, огорчившись. Если бы он только мог исцелять быстрее мазей целителя Гаяна...

– Я знаю, как сильно болят ваши руки, – признался Реф. – Ваш целитель сделал достаточно. Осталось дожидаться, пока обновится кожа.

– Позвольте спросить, наместница, – вновь заговорил перебежчик. – Откуда вы узнали о Рефе?

– Не твое дело, – бросила я и обратилась к тени: – Держись подальше от моих покоев и зала совещаний. Однако, если услышишь, что кто-то замышляет дурное против меня, тут же сообщай.

– Считается ли дурным письмо вашего советника воеводе Нарама? – нарочито растягивая слова, осведомился Реф.

Грудную клетку расперло ощущение надвигающейся беды.

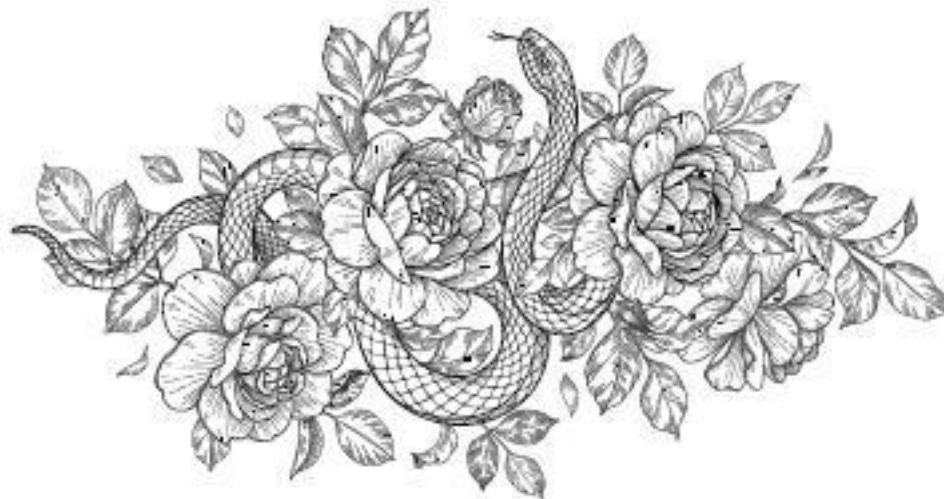
– Что в нем было?

– Донос об убийствах, совершенных в Вароссе. Советник попросил помощи у воеводы и его старшего сына.

Мое сердце оборвалось. Значит, скоро они будут здесь. Отец и его наследник – человек, по вине которого в свои тринадцать лет я превратилась в убийцу.

Глава 4

Отсроченный приговор

Амаль

Время подбиралось к полуночи. Шумный город затих, засыпая. Редкие гуляки опасливо сторонились и провожали наш пеший отряд изумленными взглядами. Я чеканила каждый шаг, будто норовила пробить подошвами брусчатку центральных улиц. Гнев отдавался в висках, а сердце сотрясало грудную клетку. Подол шелкового черного платья мешал быстрому шагу, кружевной воротник удавкой обхватывал горло, тяжелый золотой венец тяготил голову, а руки в перчатках изнывали от жары, но я была слишком зла, чтобы обращать на это внимание.

Сегодня наместница воеводы явится в имение старшего советника Надира Леяна при всех регалиях и со свитой. Он и его семейка предателей запомнят этот визит на всю свою жалкую жизнь. Если мерзкому хрычу не хватило боли от кинжала в руке, значит, пора показать, как на самом деле умеет злиться дочь известнейшей ведьмы Даира.

Беркут держался позади, следуя за мной вместе с верным псом по кличке Мор. Эта огромная беспородная громадина, подчиняясь воле хозяина, умела быть воистину смертоносной. Замыкали нашу группу возмездия трое солдат-ведьмаков из ближней двадцатки. Лица всех, включая Беркута, скрывали маски.

Имение советника мы достигли за четверть часа. Роскошный особняк в окружении множества хозяйственных построек и пышного сада поражал воображение жителей Вароссы. Мой дом безнадежно мерк перед белоснежным архитектурным монстром, украшенным вычурными пилястрами, двумя женскими изваяниями, держащими на своих далеко не хрупких плечах антаблемент, и галереей с массивной колоннадой. В цветущем саду красовались несколько мраморных статуй, и венчал все это великолепие безвкусный фонтан в виде нагой женщины с весьма заметными прелестями. Расплывшаяся, как дрожжевое тесто, жена советника наверняка с завистью косилась на каменную бесстыдницу. Ее-то формы уже давно утратили изящные очертания, как и формы их дочери – девицы на выданье.

У ворот дежурил привратник. Завидев нашу процессию, он востепенно и выхватил саблю, но несколько мгновений спустя бедолага узнал меня и поспешно опустил оружие. Весь его вид говорил о внутренней борьбе между страхом и долгом.

– Н-наместница, доброй ночи, – пролепетал привратник.

– Немедленно открывай ворота, – велела я, вздернув подбородок. – Я желаю видеть советника.

– Боюсь, господин Леян с супругой уже спят.

– Ты смеешь мне перечить?! – взорвалась я. Гнев, уготованный для предателя, вырвался на волю раньше времени. – Я желаю видеть советника немедленно!

Беркут выступил вперед, и Мор утробно зарычал. Привратник попятился к воротам и, опасливо поклонившись мне, открыл калитку.

В высоких арочных окнах стояла тьма, лишь два окошка у входных дверей горели мягким светом. Все обитатели особняка спали. У резных деревянных дверей я посторонилась, уступая Беркуту обязанность колотить в них.

Почти мгновенно в одном из окон огонек свечи разорвал ночную мглу. Еще пара минут, и в замке заворочался ключ. Из-за двери несмело выглянула женщина лет сорока в длинном бордовом халате, накинутом поверх целомудренной ночной сорочки. Ее испуганный взгляд пробежал по каждому из нас и застыл на мне. Она в изумлении открыла рот и попятилась, пропуская поздних гостей. Огонек свечи трепетал в ее дрожащих руках.

– Буди хозяина, – велела я.

Женщина торопливо закивала и попятилась.

– Стой. Сначала проведи нас в его кабинет. Не пристало наместнице топтаться в прихожей, – мой властный голос отразился от стен эхом пушечного выстрела.

Служанка поклонилась и, пробормотав: «Прошу, следуйте за мной», засемила на второй этаж по мраморной лестнице, огражденной белоснежными перилами с балюстрадой. Шум наших шагов разносился по особняку звуком наступающей беды. В коридорах горели масляные лампы, освещая картины в массивных рамах и огромные вазоны с пышными букетами цветов, наставленные в каждом углу. От обилия вычурности у меня рябило в глазах. Отца устраивал вор во власти, меня – нет.

Открыв двустворчатую дверь в конце коридора, служанка проскользнула в кабинет, чтобы зажечь лампы. Мы неторопливо проследовали за ней. Мягкий свет окутал просторное помещение, стены которого были обиты деревянными панелями. Кирпичный камин с наставленными сверху золочеными статуэтками нагих женских фигур вызвал у меня непреодолимое желание закатить глаза. Старый развратник!

На массивном письменном столе царил порядок, как и на книжных полках. Старая канцелярская крыса предпочитала работать в моем поместье, но даже там его кабинет походил на памятник опрятности и занудству.

Я заняла кресло советника, солдаты же остались на ногах. Мор напряженно улегся у стола и изредка бил хвостом по паркету. Я бесцеремонно перелистала документы, не обнаружив там ничего, что можно было бы счесть важным. Самое важное письмо он уже отправил, не постеснявшись писать его в моем собственном доме! Откуда же старику было знать, что у наместницы появился бесплотный шпион?

– Амаль Кахир, прошу, берегите руки, – нарушил тишину Беркут.

– Не обещаю, – процедила я. Гнев клокотал где-то в горле, моля о свободе.

Отец не должен был узнать об убийствах! Это мой провал как наместницы! Другого он от меня и не ожидал, запихивая в самые отдаленные земли, окруженные Нечистым лесом! Как и старший брат, будь он проклят! Все эти долгие шесть лет они надеялись на мое сокрушительное падение. И надежды эти оправдались...

Когда в коридоре послышались торопливые шаги, я напряглась, как и все присутствующие. Мор зарычал, но не поднялся. Дверь распахнулась, и на пороге возник Надир Леян – щуплый старик с лицом морщинистой крысы. Из-под расшитого золотыми нитями ярко-синего бархатного халата виднелась ночная сорочка. Глаза-пуговицы метали гром и молнии.

– Наместница, чем обязан вашему столь позднему визиту? – сквозь фальшивую вежливость в голосе хозяина дома просачивалась едва прикрытая ненависть.

– Не догадываешься, Надир? Я снова с ножом.

Взгляд старика застыл на кинжале, четыре года назад пригвоздившем его руку к столу в зале совещаний. Уверена, он прекрасно помнил боль, причиненную шестнадцатилетней девочкой. А свое унижение – и подавно.

– Понятия не имею, что привело вас ко мне, – совладав с собой, гордо ответил Надир.

Я выдержала паузу, нарочито медленно снимая перчатки и открывая ему обожженные руки. Старик, как и все горожане, прекрасно знал о моей огненной мощи. Он видел выжженную землю у стен Вароссы и наверняка понимал, что мне под силу оставить от его дома такое же пепелище.

– Письмо, отправленное тобой моему отцу. Так понятнее?

В глазах советника мелькнуло удивление, но сию же секунду исчезло, будто и не было. Опытный политик умел держать себя в руках.

– Ах вы об этом письме. Что же вызвало ваш гнев, Амаль Кахир? – в голосе старика скользила откровенная издевка. – Я был обязан сообщить воеводе об ужасах, творящихся в Вароссе. Если уж вы и ваши... соратники оказались не в силах найти убийцу, значит, пришла пора просить помощи.

– Как ты посмел прыгнуть через мою голову, советник?! – взорвалась я и вскочила на ноги, оказавшись на полголовы выше старика. В моей ладони полыхнул огонь. Злость притупила боль в изувеченной руке. – Ты обязан был прийти ко мне и спросить разрешения! Кто ты такой, чтобы обращаться напрямую к воеводе?!

– Посаженный им советник и ваш учитель, если вы забыли, наместница, – процедил Надир.

– Ты – старая трусливая крыса! – мой крик эхом отразился от стен. Огонь вспыхнул и на второй ладони. Сгустки пламени поплыли к хозяину дома, ведомые моей волей.

Глаза советника округлились. Он держал себя в руках, но огненная стихия, бушевавшая у самого его носа, не оставила бы равнодушным даже самого прожженного политика.

Мор угрожающе гавкнул, не сводя глаз со старика. Беркут в несколько шагов оказался между нами. Уж не знаю, кого он защищал – меня или советника.

– Только посмейте тронуть меня! – завопил Надир, наблюдая за приближившимся Михелем.

– Посмеем, советник, – процедила я.

Огни разделились на восемь частей и разрослись. Они зависли так близко к Надиру, что опалили его своим жаром. Уж я-то знала, как ощущается мое пламя. Никому оно не могло доставить больше боли, чем мне самой.

Солдаты возвышались за моей спиной молчаливыми статуями. Советник был прекрасно осведомлен, что каждый из них – ведьмак, а магии он опасался куда сильнее, чем возмездия за свои махинации с казной.

– Ты не мой учитель, Надир. Ты – мой слуга. Я бы велела высечь тебя на центральной площади за предательство, но письмо воеводе не самый весомый повод для горожан, – процедила я, наслаждаясь страхом загнанного в угол подлеца. – Только мы-то с тобой знаем, что это самое настоящее предательство. Шесть лет ты спишь и видишь, как бы убедить отца сместить меня. Ты бы и убил меня с превеликим удовольствием. Учти, старик, воевода далеко, а я близко, и руки у меня длиннее, чем ты можешь представить.

Свои слова я подкрепила новыми сгустками пламени, возникшими на ладонях. Они зависли над головой советника так низко, что того и гляди норовили поджечь его жиденькие волосенки. На лбу старика выступили крупные капли пота. Близость огня обжигала его, как и страх перед моей силой.

– У тебя есть жена и дочь. Подумай об их будущем, Надир. Я могу запретить твоей кроvinочке выходить замуж, и останется она одна-одинешенька на всю свою жалкую жизнь. И это будет самым малым из того, что я могу сделать с твоей семьей. Вспомни мои слова, когда будешь строчить следующий донос, о котором я непременно узнаю.

– Не смей угрожать мне, соплячка. Воевода непременно узнает об этой гнусной выходке, – процедил Надир и демонстративно сплюнул мне под ноги.

Беркуту потребовался лишь мимолетный взгляд на Мора, чтобы тот разразился устрашающим лаем и впился зубами в ногу советника. Старик завопил, беспорядочно молотя руками, будто неуклюжая раненая птица. Мор с грудным рыком отступил и невозмутимо улегся у моих ног.

Из рваной раны Надира струилась кровь. Двое солдат успели подхватить его под локти, удержав на ногах. Советник на все лады проклинал каждого из нас, включая «бесовского пса, которого нужно обезглавить тупым топором вместе с его хозяином».

– Не советую вам, Надир Рашад, так отзываться о Море. Этому псу ничего не стоит перегрызть ваше горло, – отозвался Беркут на «радушные» пожелания хозяина дома и с издевательской усмешкой ему поклонился.

Советник сжал зубы и вновь зашипел от боли, пожирая меня ненавидящим взглядом своих глаз-пуговиц.

– С сегодняшнего дня я отстраняю тебя от всех дел и запрещаю приближаться к моему поместью. Предателям не место рядом со мной, – продолжила я. – Если отец решит по-другому, значит, тебе повезло. Если поддержит мое решение, то уж извини, Надир. Придется жить на то, что уже успел украсть из казны.

– Вы не можете просто так сместить меня, – процедил старик сквозь боль.

– А ты пожалуйся воеводе, – фыркнула я и гордо покинула кабинет.

До моих ушей донесся звук упавшего тела. Укушенная нога таки подвела советника. Гнев все еще горел на губах несказанными словами. Руки пылали, но разум пылал сильнее. Не выдержав напряжения, я с остервенением пнула ближайший вазон, и он с грохотом раскололся от удара о мраморный пол. Наверняка звук разбившегося фарфора разбудит тех обитателей дома, кого не разбудил мой визит.

Несколько минут назад я навлекла на себя гнев отца. Плевать! Он связан обещанием моей матери и не посмеет сместить меня! Что будет после его кончины, я предпочитала не думать, иначе липкий страх вновь пробирался под кожу. Страх, преследующий меня с детских лет. Отсроченный приговор, вынесенный братом.

Одна из дверей приоткрылась, и оттуда показалась заспанная щекастая физиономия дочери советника. Она испуганно ойкнула, увидев меня во главе процессии, и мгновенно скрылась в своей спальне. До моих ушей долетел звук ворочающегося в замке ключа. Неужели глупая девица и вправду понадеялась, что меня остановит какая-то дверь, если я решу добраться до нее? Смех, да и только!

В полном молчании мы покинули дом советника. Когда ворота остались далеко позади, Беркут осмелился нарушить тишину:

– Амаль Кахир, вы говорили с советником даже мягче, чем я ожидал. И ничего не подожгли в его доме.

В голосе друга я услышала ухмылку и... искреннее облегчение. Кому, как не Михелю, знать, насколько я бываю неуправляема в гневе, но сегодня он волновался зря. Причины я реальный вред Надиру, разочарование отца не знало бы границ.

– Скорее, недостаточно жестко. Мягкой я быть не умею.

И я, и он знали, что это ложь.

Не перечить, сколько раз я плакала, уткнувшись носом в грудь Михеля. Он утешал меня и учил быть сильнее брата и его верных прихлебал. Друг помнил мой затравленный взгляд, когда мы оба поняли, что дикое пламя вышло из-под контроля и сожгло заживо одного из подосланных насильников. Молодой парень сгорел в муках, поплатившись за удары, которыми вместе с друзьями осыпал мое тело, и за грязные прикосновения, оставшиеся невидимыми шрамами на моих бедрах. С тех пор меня считали зверем...

* * *

– Амаль Кахир, если вы отмените праздник встречи осени, народ запаникует. Зачем вам эти волнения? – голос главного казначея Раида Баара сочился лестью, но доля истины в его словах присутствовала.

Сегодняшнее совещание я посвятила аресту старшего советника и переправке его в тюрьму Даира для суда. Вчера вечером комендант с отрядом стражей порядка явился к Надиру Леяну и велел заковать того в кандалы. Я, конечно же, присутствовала при этом действе, и оно стало бальзамом для моих уставших глаз.

Вопли и причитания жены Надира разносились по особняку, пока эта дородная дама не свалилась в притворный обморок прямо на пороге, преградив своим немаленьким телом дорогу солдатам и их пленнику.

Пока мужчины пытались оттащить ее с дороги, я схватила с ближайшего столика фарфоровую вазу, отшвырнула в сторону полувядавшие розы и плеснула бесталанной актрисе в лицо застоявшейся водой. Естественно, она закашлялась и подскочила. Коменданту пришлось пригрозить буйной женщине арестом за сопротивление правосудию. Тут уж даже скандальная жена советника предпочла захлопнуть рот и посторониться.

По городу поползли слухи, подогреваемые соратниками Надира. Меня возмущенная молва интересовала мало. Пусть хоть всем городом вступаются за того, кто обворовывал их на протяжении десятилетий!

Пять дней, прошедшие с ночи, когда мы явились к советнику с гневным визитом, я готовила почву для мести. Этот человек слишком долго чувствовал себя негласным хозяином города и непозволительно вальяжно себя вел.

Той же ночью, вернувшись в поместье, я приказала Рефу проследить за стариком. Для этого перебежчику пришлось пробираться к имению Надира, ведь лис оказался неспособен отлетать от своего хозяина дальше, чем на версту, а может, и того меньше. Уже утром Реф вернулся с ожидаемой новостью, что советник настроил донос воеводе, в котором красочно описал издевательства его умалишенной дочери. Отправив лиса прочь с глаз, я задумалась.

Запугивать Надира оказалось бесполезно. Казнить старикашку было не за что, да и привлечь к себе внимание власть имущих уж больно не хотелось. Новость о смерти советника могла дойти и до императора.

Тогда-то мне и пришла в голову идея стравить змей меж собой так, чтобы одна с удовольствием ужалила другую. Следующим утром я отправилась напрямик к главному казначею. Этот слащавый и вежливый до тошноты жук и сам был не прочь поживиться за счет государственной казны, но его я не трогала. Пока. Пользы он приносил больше, чем вреда. Дело свое Раид Баар знал, как никто. Заменить его было некем, да и незачем.

Я прекрасно знала, что свои махинации Надир проворачивал именно с ним, поэтому потребовала от казначея найти любые зацепки и доказательства вины старшего советника в растрате казны. Оказалось, достаточно одного пристального взгляда и фразы: «Мне нужен

виновный. В твоих силах сделать так, чтобы им оказался только он. Иначе я найду и другого вора».

Раид не зря так долго сидел в своем кресле. Он, как никто, умел держать нос по ветру, поэтому мгновенно смекнул, что заложить своего подельника куда выгоднее, чем обрести в моем лице опасного врага.

Вчера у меня в руках оказалось множество документов с личной подписью Надира. Раид выгреб из закровов все, что нашел. Уверена, кое-что даже подделал. Плевать.

Сегодняшнее совещание началось с единогласного порицания старшего советника. Я хмуро кивала, мысленно коварно хихикая. Если периодически запугивать совет, его члены ведут себя тихо и даже покладисто. Но стоило мне высказать намерение запретить сегодняшней праздник встречи осени ради безопасности горожан, как со всех сторон посыпались предупреждения о панике и волнениях.

Никто из советников не воспринимал убийцу всерьез. Не могла же я рассказать им о дружбе с дочерью Шурале! Они бы засмеяли меня, между собой окрестив недалеким ребенком. Но как еще обезопасить жителей Вароссы?

– Все три убийства совершены за стенами города. В Вароссе все спокойно. Зачем нервировать народ? – подхватил Веис Элар, второй советник, временно назначенный старшим. – Горожане работали все лето и продолжают работать еще месяц. Разве правильно отбирать у них заслуженный праздник? В этом году удался огромный урожай. Давайте вознаградим людей за их труд.

Я с сомнением обвела взглядом трех советников, казначея и коменданта. Пожалуй, они правы. Как объяснить горожанам, почему им стоит опасаться выходить на улицу? Каждый из них уверен, что в стенах Вароссы ему не грозит ничего, кроме пьяниц, шатающихся между трактирами.

Народу необходима передышка, и я знала это не хуже советников. Если второй летний месяц, страдник, издревле считался порой сенокоса, то жнивень – пора созревания урожая и подготовки к зиме. Вторую половину лета горожане трудились не покладая рук, и праздник встречи осени был той самой отдушиной, которую ждал каждый из них. Впереди маячил еще месяц сбора урожая, но сегодняшняя ночь – это танцы до утра, песни и гуляния, огромная ярмарка и представления местных артистов. Даже труппа небольшого городского театра разыгрывает пьесу прямо на центральной площади. Отними я сейчас это у людей и превращусь для них в чудовище, которым и без того время от времени кажусь.

Конечно, в конце месяца рюена (первого месяца осени) горожан ждет еще праздник собранного урожая, но и его тоже может не случиться, если скверна продолжит подтачивать покой Вароссы.

Мой сдержанный кивок вызвал вздох облегчения у совета. Наверняка комендант уже всерьез раздумывал, скольких солдат придется задействовать, чтобы отправить людей по домам с наступлением темноты.

– Амаль Кахир, позвольте дать вам совет. Не нарушайте традицию и примите участие в гуляниях. Горожане ждут, что наместница будет веселиться вместе с ними, – назидательно произнес Веис Элар. Этот сорокапятилетний мужчина всегда казался мне самым рассудительным и благожелательным в совете.

– Разумеется, я поучаствую, – поспешила заверить его я и, попрощавшись, покинула зал совещаний.

Творец, как же жарко! Я мечтала остаться одна и сбросить душасшее строгое платье и венец, от которого жутко чесался лоб. Наряды из дорогих плотных тканей привлекали меня зимой, но уж никак не знойным летом. Первый день осени выдался, как это и бывало обычно, жарче летних.

Когда на город опустилась долгожданная тьма, принесшая с собой вечернюю прохладу, я с удовольствием нацепила белую рубаху и форменные штаны, заправив их в излюбленные сапоги. Сегодня наместница поучаствует в гуляниях. Самой собой, без церемониальных нарядов, строгих причесок и чинной походки. Как это и бывало каждый год, я станцую со своими солдатами, выпью настойки и наконец почувствую себя девчонкой, которой вот-вот стукнет двадцать, а не сорок пять.

Я смыла с глаз сурьму, кое-как собрала копну волос в высокий пучок и осталась довольна собой. Девочка-сорванец. Такая, какой была в Даире. Какой мать снисходительно позволяла мне быть, но без устали твердила, что дочери воеводы не пристало одеваться, словно дворовый мальчишка. Как я любила это отражение в зеркале, не приправленное следом, оставленным властью над городом!

Солдаты уже собрались у корпуса во главе с Беркутом. Они ждали меня. Моя бессменная свита. И среди них – настоящий старший брат, пусть и не родной по крови.

Дом прислуги темнел провалами погасших окон. Я отпустила на праздник всех, кроме десятка солдат. Привратники открыли ворота и проводили нас завистливыми взглядами. Сегодня в общем жребии отряда удача оказалась не на их стороне.

Центральная улица Вароссы светилась множеством огней, и маслянистые тени отступали перед праздником жизни. Разноцветные бумажные фонарики красовались на каждом фонарном столбе и дереве. Языки пламени в традиционном костре причудливо переплетались и стремились ввысь, разрывая жаром трепещущего огня вечернюю мглу.

По улицам толпами валил народ. Они двигались к центральной площади, откуда звучала веселая музыка гармошки, нарамской скрипки, зурны и барабанов. Я пританцовывала на месте под насмешливым взглядом Беркута. Он схватил с ближайшего ярмарочного лотка две рюмки с традиционной травяной настойкой и протянул одну мне. Я мгновенно осушила ее, почти не поморщившись от резкого вкуса. Впервые Михель дал мне попробовать настойку в четырнадцать лет. Чуть не выблевав жгущуюся жидкость, после которой во рту еще долго ощущался привкус травы, я поклялась больше никогда не пить эту дрянь. И не сдержала клятву.

Я весело чокалась с солдатами, и настойка от резких движений проливалась прямо на руки. Мы хохотали и пританцовывали, смешавшись с толпой. Ни на одном моем солдате сегодня не было обмундирования, да и меня саму в мальчишечьем наряде узнавал не каждый.

Наша шумная компания приблизилась к центральной площади. Народ танцевал и веселился. Труппа уже закончила свое представление, уступив место ночным гуляниям. Четверо музыкантов без устали играли одну мелодию за другой, и каждая была быстрее предыдущей. Отовсюду слышались смех и звон стекла.

Я обвела взглядом веселящихся горожан и тепло улыбнулась. Советники были правы. Никто не имел права отнять у людей этот праздник. Даже ради их блага.

Один из моих солдат подскочил к музыкантам и что-то шепнул самому старшему из них. Мужчина с пышными усами улыбнулся и кивнул. Я уже знала, какая мелодия заиграет следующей. Мы танцевали излюбленный солдатами Нарам танец воинку каждый праздник. Впервые парни пригласили меня с собой пять лет назад, и я на заплетающихся ногах повторяла за ними каждое движение в страхе споткнуться и опозориться на глазах у огромной толпы. Позже Беркут объяснил мне, что девушкам положено двигаться в танце подобно лебедю – плавно и изящно, а не вытанцовывать мужские партии. Я фыркнула и заявила, что плевать хотела на все эти «положено». И с тех пор от своего слова не отступила. Из принципа.

В бешеном ритме забили барабаны, заиграла гармошка, и моя свита сорвалась с места, занимая центр площади. Беркут торжественно вывел меня за руку к солдатам и оставил во главе нашего маленького строя.

На лице невольно расплзлась счастливая улыбка, и грудь наполнилась опьяняющим воздухом свободы. Я отбивала ритм подошвами ботинок, чувствуя, как стук барабанов отдается

в каждой из костей. Мы кружились по площади в диком темпе. Солдаты выхватили кинжалы, я же решила украсить танец магией. Спустя мгновение рядом с нами закружились в пляске десятки огненных всполохов, отчего со всех сторон раздались крики восхищения. Ладони зажали, поэтому создание огня больше не походило на пытку, а к легкому жжению кожи я уже давно привыкла.

Танец длился долго, никак не меньше четверти часа. Народ хлопал в ладоши, а мы двигались все быстрее, кружась по площади, будто волчки. Вскоре солдаты воспользовались свободой сегодняшней ночи и вывели в центр девушек из толпы. Я заставила огни исчезнуть и сместилась в сторону, чтобы не мешать парочкам. Беркут по обыкновению остался рядом.

– Может, хоть раз станцуешь женскую партию? Я будто с мужиком в паре стою. Это... странно, – склонившись к моему уху, прокричал Михель.

Я расхохоталась и помотала головой.

– Интересный опыт для тебя, не правда ли? – мой язвительный тон и коварная усмешка заставили друга закатить глаза.

– Ты просто не умеешь, – фыркнул он.

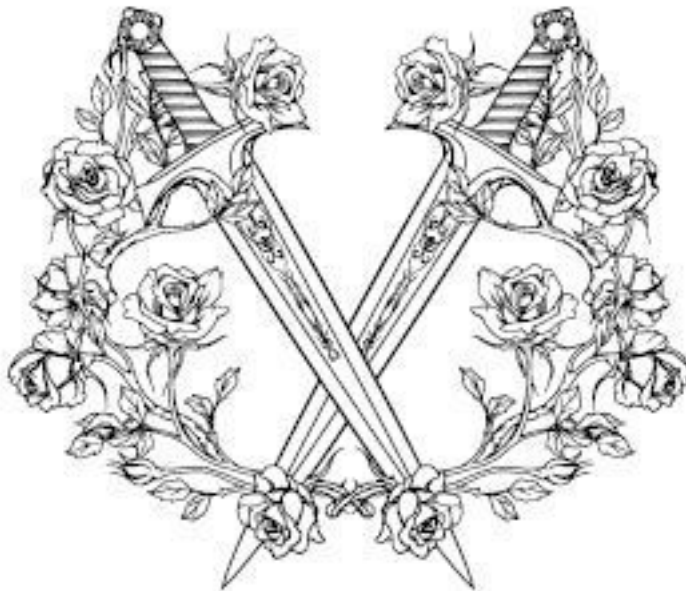
Я уже открыла рот для следующей колкости, но в то же мгновение захлопнула его, когда по округе разнесся зычный мужской вопль:

– УБИЛИ!!! ДОЧКУ СОВЕТНИКА УБИЛИ!!!

Глава 5

Кадар

Амир

– А ты-то с какой стати собрался в город? – неприязненно бросил Дир, стоило мне сменить одежду прислуги на ту, что уже неделю покоилась в вещевом мешке. – Можно подумать, наши праздники что-то значат для тебя, миреец.

Похоже, крючконосый сосед поставил перед собой цель потерять в драке несколько зубов и упрямо к ней шел. Пока мне удавалось сдерживаться, но с каждым днем кулаки чесались все сильнее.

– Для тебя праздник станет веселее, если меня там не будет? – изогнув бровь, уточнил я. Дир неприязненно фыркнул и парировал:

– Мне плевать, будешь ты там или нет.

– Вот и закрой рот.

Гарай, с любопытством наблюдавший за каждой нашей перепалкой, хрюкнул от смеха и поспешил выскочить за дверь, пока не разразилась буря. Глаза Дира опасно сузились, но мне было плевать. Я жаждал хоть ненадолго покинуть поместье наместницы. Стены этого места давили на плечи, словно чувствовали во мне чужака. Даже прекрасный сад не радовал глаз. Будь моя воля, я бы старательно обходил его стороной, только бы не встретиться там с Амаль.

На крыльце топталась Дания. Она будто бы даже не заметила меня, но наметанным глазом я заметил мимолетный поворот головы. Девушка, встреченная в общей комнате прислуги, оказалась одной из помощниц кухарки. Она помогла мне освоиться на новом месте и... прилипла намертво. Ее звонкий голосок преследовал меня, куда бы я ни пошел, на протяжении целой недели.

Дания отчаянно пыталась не показывать заинтересованность и симпатию, но мало в этом преуспела. Даже Дир вчера обронил завистливую фразу, прикрытую напускным недовольством: «Не успела харя зажить, так уже девки вешаются, как дуры. Чем ты их только цепляешь?»

Клювом своим, что ли?» Расхохотавшись, я напомнил крючконосому барану, что его-то клюв побольше моего будет.

Я не испытывал ровным счетом ничего при виде этой хрупкой девчонки с глазами испуганного олененка. Но ее имя... Дания... Так звали мою младшую сестру. Любимицу родителей, ради которой они отказались от меня, своего неудачного первенца. По мнению отца, я был слишком опасен, вспыльчив и непредсказуем. Не такого соседства родители желали для ненаглядной Данечки. Они растили цветочек, которому мешал тянуться к солнцу старший брат. Ради собственного благополучия родители приняли выгодное решение: продали подороже своего девятилетнего ребенка. И с тех пор перестали для меня существовать.

– Ингар, ты тоже на праздник? – почти правдоподобно удивилась Дания. Я мысленно фыркнул. Ради сегодняшнего праздника (надеюсь, не ради меня) она надела свой лучший наряд: розовую рубаху до щиколоток, фиолетовый камзол, густо расшитый пестрой вышивкой, и такую же тюбетейку. Сколько же бедняжка все это вышивала?! Помнится, мать никогда не утруждала себя рукоделием и носила простые одежды.

Удивительно, но рядом не оказалось вездесущей Иды. Даже не представляю, чего стоило Дании уговорить ближайшую подругу отправиться на праздник в одиночестве. Обычно Ида упрямо держалась рядом и нарушала наше уединение своей веселой трескотней. Я был благодарен смешливой фигуристой девчонке с двумя длинными русыми косами за постоянное присутствие где-то поблизости. Дания отчаянно желала остаться со мной наедине, расспрашивала о прошлом и ненавязчиво выясняла, не скучаю ли я по какой-нибудь девушке, но в присутствии Иды неудобных разговоров не заводила.

Сегодняшним вечером уже никто не мешал Дании увязаться за мной. Она увлеченно тараторила о традициях праздника, о спектаклях театральной труппы, о музыкантах, играющих ночь напролет, и о бесконечных танцах. Мне пришлось смириться, что этой ночью мечты о блаженном одиночестве разрушил счастливый щебет восторженной девчонки.

Мы неторопливо шагали по центральной улице в толпе горожан, ничем из нее не выделяясь. Людской поток нес нас к площади, где актеры готовились вот-вот начать свое представление.

Взгляд скользнул по небольшому домику из серого камня с вывеской «Брадобрей», окруженному красивейшими розовыми кустами. Уверен, это излюбленное место мужчин Вароссы. Где еще горожанам обсуждать насущные проблемы и философствовать о будущем империи? Лавка брадобрея что в Мирее, что в Нараме – то же самое, что мужской клуб по интересам, где циркулируют только свежие слухи и отборные сплетни.

Разве не идеальное место для засланного человечка? Так и рассудил в свое время воевода Мирее, человек с закорючатым страхом предательства и бунта. Долгие десятилетия правления у него под кожей зудело беспокойство о соседстве с бывшей метрополией. Шесть лет назад, когда из-за Нарамских гор потянулись страшные слухи о зверстве младшей дочери воеводы, старик отправил в Даир доверенного человека. Тот напросился в ученики к одному из брадобреев и обосновался в его лавке.

Лазутчик и доложил о жестоком нраве Амаль, ее огненной мощи и влиянии Мауры на правителя Нарамы, чем напугал старого воеводу до трясущихся поджилков. Уж что-что, а магия так и осталась для него непостижимой тьмой, несущей беды и смерть.

Решение воеводы Нарамы поставить тринадцатилетнюю дочь во главе Варосских земель вызвало немало споров среди его подданных и заставило правителя Мирее усилить патрули на границе. Ребенок во главе города – неслыханная новость! А уж ребенок-убийца, играющий с огнем...

Традиция наместничества существовала в Нараме сотни лет. Каждый правитель выделял своим детям земли, тем самым разделяя с ними власть. Наместники олицетворяли каана (а после завоевания Белоярской империей – воеводу) вдали от столицы. Это старинный акт дове-

рия и подготовка наследника к правлению после смерти отца. Такая себе местечковая монархия.

Конечно, в древние времена бывали наместники и моложе Амаль, но с приходом Белоярской империи дикие устои рухнули. С тех пор лишь после двадцатилетия человек считается взрослым и полностью окрепшим. Девушкам, не достигшим этого возраста, даже замуж запрещается выходить. Что уж тут говорить о правлении городом! Но воевода нарушил это правило...

Еще шесть лет назад до меня долетели слухи о дурной славе, что тянулась за наместницей из самой столицы Нарамы. Поветрие людской молвы о полоумной ведьме разнеслось до самого Белоярова.

От рук тринадцатилетней дочери воеводы погиб молодой парень, и об этом трубил весь Даир. Она попросту сожгла его в колдовском пламени невиданной силы. От паренька остались лишь обугленные кости. Поговаривали, что Амаль с жестокостью чудовища уничтожила человека, который всего-навсего не разделил ее чувств. Воевода замаял скандал, но народ было не заткнуть. Молва неуловимой дымкой расплзлась по провинции и за ее пределы.

Думаю, Амаль сослала так далеко от столицы Нарамы во избежание народного гнева. Люди судачили, что она возглавит город лишь для виду, скрывая за собой реального правителя – свою мать. Эта новость привела в ужас мирейского воеводу и подкосила его здоровье. Старик считал Мауру демоницей, посланной в мир людской, чтобы нести с собой скверну. Однако судьба распорядилась иначе. Вскоре после отъезда Амаль из Дaira Мауру отравили, и людская молва обвинила в этом ревнивую жену воеводы.

– Дания, Ингар! Где же вы так долго бродили?! Сейчас начнется представление! – долетел до меня голос Иды. Она пробиралась к нам, придерживая расшитую тюбетейку, так и норовившую соскользнуть с головы. Курносое лицо светилось женским коварством. Уж не специально ли она искала нас в толпе?

Моя спутница заметно погрузнела при виде подруги. Я попытался ускользнуть, оставив их вдвоем, но Дания жалостливо залепетала о толпе, где полно пьяных мужчин, и о таинственном убийце, который мог скрываться в любой из подворотен.

Про убийцу я знал и без нее. За неделю, проведенную в поместье наместницы, мне удалось под покровом тени подслушать несколько любопытных разговоров. И они меня не порадовали. В Вароссе хватало проблем, а я умудрился попасть в самую их гущу.

– Шурале не выйдет из леса, чтобы тебя убить, глупая! Для этого и горит костер! – долетел до меня возмущенный голос Иды.

Чуть поодаль от толпы, действительно, горел большой костер, вокруг которого волчками крутилась детвора. Я снисходительно усмехнулся. По поверьям нарамцев огонь отгонял злых духов, потому на каждый праздник жгли большие костры, дабы уберечь народ от происков нечисти. Дикий народ и дикие обычаи...

– Это не Шурале, – окрысилась Дания. – Не стал бы он убивать у городских стен! Ему хватает тех, кто суется в лес!

– Так никто не суется, вот он и ищет, кем бы поживиться.

Ида обиженно поджала губы. Эта бойкая девчонка ненавидела, когда скромная и пугливая подруга ей возражала.

– Меньше слушай сказки Алии, – буркнула Дания. – Еще скажи, что это наместница убивает девушек по приказу великого и ужасного Шурале. Она ведь ходила в Нечистый лес в полнолуние.

– Про нее и не такое говорят, – пробормотала Ида и воровато огляделась. – Забыла о двух господах, которых нечисть загрызла прямо в полнолуние? Все знают, что это дело рук наместницы. Она с нечистой силой дружит, вот и попросила о помощи.

Я с интересом наблюдал за их перепалкой. Во народ! Они и байки о Шурале приплели к убийствам несчастных девушек! Я, конечно же, не верил ни в какие народные выдумки. Убивал и иссушал девушек человек, обладающий зловещей силой, неведомой ни мне, ни самой Амаль. Уж я бы знал, если бы она напала на след таинственного убийцы. Пока что наместница занималась лишь истреблением змей и методично уничтожала пламенем собственные руки. Ни с какой нечистью она не являлась, это уж точно. И никого из тварей натравить на двух незадачливых господ не сумела бы. Амаль – всего лишь человек, а низшие магические существа не признают людей и не сотрудничают с ними.

Спор Дании и Иды прервала завораживающая мелодия дудука. Представление началось, и горожане затаили дух. Талантливо сыгранная история о правителе некогда великого Нарамы, таинственной незнакомке, вскружившей ему голову, и ее предательстве, стоившем влюбленному мужчине трона и жизни, ничем не уступала представлениям театров Белоярова. Почему эти актеры еще не в столице империи? Что они забыли в Вароссе, окруженной Нечистым лесом?

Пока каан Нарамы умирал от рук любимой, Дания жалась ко мне и украдкой утирала слезы, шмыгая носом. Я снисходительно улыбался, с теплом в сердце вспоминая Лиру. Она так же близко к сердцу принимала каждую прочитанную книгу и увиденную пьесу. Не перечить, сколько раз я утирал ручьи ее жемчужных слез. Моя Лира... Каково ей без меня? Моя прелесть не боец, но она обещала не давать себя в обиду. После возвращения домой я вновь возьму это на себя.

Заигравшая музыка вырвала меня из воспоминаний о доме и вернула в гущу нарамского праздника, непонятного и чуждого мне. Горожане высыпали в центр площади, освобожденный актерами. Заводная мелодия барабанов, гармошки, странной длинной скрипки и инструмента, похожего на флейту, наполняла тело и гнала в пляс. Отрывистые детские воспоминания вновь вернули меня на центральную площадь Дайра, куда я сбегал от гнева родителей послушать музыкантов и полюбоваться танцами.

– Наместница с солдатами здесь. А ты говорила, что сегодня они не будут танцевать, – съехидничала Дания, все еще обиженно глядя на Иду.

– Вчера отдала солдатам своего советника, а сегодня танцует, – буркнула Ида, уже не страшась, что ее услышат. Музыка скрадывала голоса.

Амаль считала, что старший советник ее предал. Она боялась отца и не желала, чтобы он знал об убийствах в Вароссе. В своем страхе наместница была неуправляема, как и в гневе. Амаль желала быстрой расправы, но ее руки связывало положение советника. Уверен, будь Надир Леян не так значим в глазах воеводы, его голова давно покоилась бы на дне реки, огибающей город. Думаю, там можно отыскать немало врагов Амаль Кахир и целиком, и по частям.

Я наблюдал за наместницей, окруженной солдатами. Сегодня они казались просто разномастной гурьбой. Амаль, шагающая бок о бок с Беркутом, напоминала хулигана из подворотни в своей неряшливо заправленной мужской рубахе, форменных штанах и грубых ботинках. Этот странный наряд никак не вязался с наместницей и ее чрезмерной гордыней.

Черные глаза Амаль скользили по лицам в толпе, и будто все демоны подземелья пробирались из их глубин в души каждого, на ком останавливался топкий взгляд. В присутствии наместницы я скрежетал зубами от злости, почти забывая о причине, по которой вообще ступил на нарамскую землю. Стоило наткнуться взглядом на ее неизменно надменное лицо, как магия ядовитой дымкой заполняла тело, просясь наружу. Одна предательская мысль, и от Амаль не останется даже горстки пепла. Но я старательно усмирал и гнев, и неприязнь. Тир ждал от меня не расправы. Он не желал уничтожить наместницу. Он нуждался в ее помощи.

Один из солдат что-то шепнул молодому музыканту, и тот с улыбкой кивнул. Уже через минуту заиграла новая мелодия – еще быстрее и заразительнее предыдущей. Строй солдат

наместницы занял центр площади, потеснив пляшущих там людей. Беркут торжественно вывел Амаль к ним и отступил ей за спину.

В детстве я не раз видел, как танцевали воинку – традиционный танец нарамских солдат-завоевателей. Красивый и устрашающий. Помню, как завидовал статным парням, кружащимся с ножами и саблями, и мечтал походить на них. Сейчас же я наблюдал за четкими движениями солдат-колдунов и самой Амаль, за ритмом множества подошв, за резкими взмахами рук, за мимолетными улыбками и сам не замечал, что заморожен зрелищем из далекого детства. Обычно высокомерная и горделивая, наместница искренне смеялась в танце, окружив их строй колдовскими огнями. Будто неведомый дух вселился в надменную девку, сделав ее чуть более человеческой.

В эти минуты я понял важную вещь: наместница близка со своими солдатами. Значит, они знают о ней гораздо больше, чем показалось мне с первого взгляда. Пусть меня не впустили в их ряды, но кто помешает проникнуть в солдатский корпус под покровом теней либо отправить туда Рефа? Хоть какая-то польза от лиса, скованного клятвой.

Если бы он только мог рассказать мне о тайнах Амаль. Уверен, старый проныра уже успел наведаться в ее покои, наплевав на все запреты наместницы. Даже черные бесовские глазищи Амаль не смогли бы разглядеть невидимого гостя. Не удивлюсь, если в ее спальне Реф застал Беркута. Уж слишком рьяно ближайший соратник оберегал свою «наине». При первой встрече я заподозрил, что командира отряда и наместницу связывают близкие отношения, но подслушав пару дней назад их увлеченный разговор, убедился в этом окончательно. Кому еще она позволила бы называть себя дурашкой?

– Смотри-ка, дочка советника пришла на праздник! – воскликнула Ида, показав пальцем в толпу.

Дания с интересом повернула голову и ахнула от неожиданности.

– Не очень-то она грустит по отцу.

– Девка замуж хочет. Вон уже с кем-то кокетничает, – подхватила Ида.

Я бросил беглый взгляд на упитанную девушку в розовом платье из легкой ткани, дорогой парчовой накидке песочного цвета и кокетливой шляпке. Она не выглядела убитой горем, жеманно хихикая и стреляя глазками в своего спутника, лицо которого скрывал капюшон бесформенного плаща.

Я тут же потерял интерес к дочери Надира Леяна и вновь увлекся танцем солдат наместницы.

– Ты чувствуешь? – вдруг раздался над ухом голос Рефа.

– Что? – шепотом спросил я.

– Как что?! Запах гнили! Висморкайся, что ли, если не чуешь эту вонь!

Я напрягся, вновь внимательно осматривая толпу и очищая голову от лишних мыслей. Чутье, натренированное годами, дало сбой, стоило расслабиться и потерять бдительность. Над площадью витал едва уловимый запах разлагающегося трупа. Дрянное колдовство.

Взгляд вновь зацепился за незнакомца в плаще, обхаживающего дочку советника. Они как раз пробирались сквозь толпу. Колдун поддерживал жертву под локоть рукой в перчатке. Никто не повернул головы в их сторону. От незнакомца отскакивали чужие взгляды. Я и сам никак не мог сосредоточиться на капюшоне, надежно скрывшем лицо. Наверняка колдун отвел взгляды всех, включая меня. Если бы не Реф, я бы ничего не заметил и не учуял...

– Не суйся. Ты безоружный, – взмолился на ухо старый ворчун, но без должного рвения. Кому, как не ему, было знать, что я не останусь на месте? Колдун, от которого разлило темной магией, повел несчастную девушку на верную погибель! Наверняка ублюдок заморозил дочь советника! Кто бы поступил иначе?

Я двинулся следом за убийцей, но вовремя заметил, что Дания втихую увязалась следом. Пришлось рыкнуть на нее, чтобы возвращалась к Иде. Только ее мне не хватало! Две жертвы вместо одной я колдуну не преподнесу.

Незнакомец повел дочь Надира Леяна к ближайшей из подворотен. Обогнул рюмочную, из которой доносились развеселые голоса местных пьянчуг, и свернул за угол. Я покрыл себя тенью и поспешил за ними. Мне не хватило всего пары мгновений. Глаза, привыкшие к темноте, различили очертания кинжала, вонзившегося в живот дочери советника. Она захрипела и осела на землю.

– Взываю к вам, демоны недр земли. Взываю к силе крови... – забормотал колдун. Голос был груб, будто наждачная бумага, но молод.

У меня оставался миг, и егохватило, чтобы воздух вокруг убийцы пришел в движение и ускорился. Еще секунда, и он оказался заперт в воронке, колющей пылью и мелким мусором. Горло колдуна сковала моя незримая хватка. Он хватал ртом воздух, но тот обжигал, будто жидкое пламя. Капюшон слетел с головы убийцы, ведомый порывом ветра. Взметнулись густые волосы, длина которых достигала подбородка. Я не мог отчетливо разглядеть лицо, но то, что он был необычайно молод, не скрыла даже ночная мгла.

– Реф, проверь ее. Помоги, если сможешь, – велел я, и лису не потребовалось повторять дважды.

– Жива, – буркнул он и расплылся тенью без очертаний над бессознательным телом девушки.

Силы утекали из моего тела, будто кровь, хлещущая из рваной раны, но я сосредоточенно душил колдуна, поддерживая воздушную воронку. Удавлю его – стану героем Вароссы. Может, даже Амаль Кахир оценит мою самоотверженность.

Не успела эта мысль мелькнуть в голове, как воронка распалась. Колдун что-то шептал, прижав ладони к груди, и вновь глубоко дышал. Его всклокоченные ветром волосы открыли высокий лоб, широкие скулы и глаза, в которых явственно плясали алые отблески. Я поспешно велел теням сгуститься, но уже через мгновение их изрешетили невидимые стрелы. Убийца ударил чистой силой – незримой, но смертоносной.

Одна стрела пронзила мое плечо, вторая оцарапала бедро. Остальные проглотили тени.

– Лихомор. Какая прелесть. Давно я вашу братию не встречал, – прорычал колдун и отправил в меня новую порцию стрел.

Я насилу увернулся, не успев выставить щит теней.

– А это что за тварь? Я таких еще не видел, – убийца обратил внимание на Рефа и едва уловимо щелкнул пальцами.

Секунда, и лис исчез. На его месте взорвался ревом огромный бурый медведь, на которого голодными шакалами набросились выросшие из-под земли неясные тени. Они были плотнее самой тьмы и при свете луны казались сплошными черными пятнами. Горящие красные глаза подсказывали, что я впервые в жизни столкнулся с демонами – прислужниками горных кадаров. Они сновали вокруг Рефа, так и норовя добраться до его призрачного тела, но он бил тварей лапами с яростью настоящего разбуженного от спячки медведя. Его удары отбрасывали их прочь, но те упрямо рвались обратно. У меня не было времени удивляться, почему призрачные существа дерутся так, будто у них есть тела.

Я вновь поднял воронку вокруг колдуна, но тот справился с ней за пару секунд. Трупная вонь усилилась вместе с его гневом. Я должен был добраться до него во что бы то ни стало! Сил осталось не так много, но мне понадобится каждая их крупинка. Я сосредоточился на бушующей внутри тьме и направил на кадара все тени, какие только откликнулись на зов. Плотной пеленой они ринулись к колдуну из всех углов подворотни, подпитываемые ночной мглой, но тот рассеял их еще на подлете. Сила била из его тела с устрашающим напором.

– Сдохнешь рядом с этой девчонкой, – издевательски процедил кадар и взмахом руки вновь швырнул в меня волну магии.

Она обрушилась на мое тело, отбросив на несколько метров. Удар об землю вышиб воздух из груди. Я сумел уберечь голову, но ребро, кажется, сломал. Реф метался по подворотне, защищаясь от полчища демонов. Где-то рядом слабо закричала девчонка. Действительно жива!

Кадар даже не взглянул в сторону очнувшейся жертвы. Она сдавленно поскуливала то ли от страха, то ли от боли. Я не отводил глаз от врага, умоляя тело не подводить меня. Пользуясь заминкой, кадар приблизился и занес нож. Владыка, да ему не больше двадцати!

Я всей душой желал, чтобы вырочок сдох мучительной смертью, но не сразу. Пусть мучается, прежде чем отправиться на суд к Владыке. Пусть познает все страдания, которые принес своим жертвам.

Земля под ногами кадара задрожала и размягчилась. Утопанный грунт, будто болото, поглотил его ступни. Земля услышала меня и откликнулась. Ее помощь стоила мне остатка энергии. Я ощутил, что задыхаюсь. В теле не осталось сил даже на дыхание.

Кадар завопил, призывая демонов. Они ринулись на зов хозяина и заметались у его ног, но оказались бессильны перед землей, вдруг обретшей сходство с болотной топью. Краем глаза я наблюдал, как Реф старается остановить кровь, хлещущую из раны дочери советника. У меня осталось слишком мало сил, чтобы подпитать его. Реф не сможет помочь ей больше, чем уже помог.

Кадар метнул в меня кинжал, но тени не позволили оружию долететь до цели. Они все еще защищали меня, но плотность уже потеряли. Передо мной высилась дымка, а не стена.

– Взываю к демонам недр. Явитесь на мой зов, дети подземелья...

Шорох за спиной раздался слишком неожиданно, и это стоило мне драгоценной сосредоточенности. Земля освободила кадара, будто никогда и не поглощала его.

– Кто здесь? – раздался совсем рядом напуганный пьяный голос.

Воспользовавшись заминкой, кадар вскинул руки, и я повторил за ним. Глаза закрывались, а тело молило о покое. Мне не победить, но в моих силах отвлечь кадара от пьянчуги, случайно забредшего в подворотню навстречу неминуемой смерти.

Меч из теней достиг колдуна за долю секунды. Демоны не успели защитить хозяина. В ужасе они заметались по подворотне с угрожающим шипением. Кадар с воплем боли и изумления схватился за рану. Мое оружие рассеялось, будто предрассветная дымка.

– Лучше бы ты сдох сегодня, лихомор, – процедил колдун и... просто испарился, охваченный маревом своих бестелесных прислужников.

Я рухнул на спину, из последних сил заставляя тело дышать. Смутная тень с расплывающимися чертами лиса возникла перед глазами.

– Дурак! Неисправимый идиот! Как мне тебя исцелять, если ты потратил все свои силы?! – запричитал он. В голосе Рефа скользила паника. У меня же на нее не осталось сил.

Уже погружаясь во тьму, я услышал вопль пьянчуги:

– УБИЛИ!!! ДОЧКУ СОВЕТНИКА УБИЛИ!!!

Глава 6

Хуже зверя

Амаль

Паника саваном накрыла площадь. Женские причитания, крики мужчин и детский плач сливались в невообразимую какофонию и эхом отдавались в моей вмиг опустевшей голове. Единственная мысль металась от виска к виску, билась внутри черепа раненой птицей. Я же чувствовала! Этот праздник стал идеальной ширмой для убийцы. В разномастной толпе могла затеряться и шайка нечисти, что уж говорить о колдуне, призвавшем на помощь скверну?

– Амаль, вернись в поместье с солдатами. Я сам разберусь, – распорядился Беркут, властно ухватив меня за локоть.

Я вырвалась из захвата и упрямо последовала дальше, не удостоив Михеля ответом. Он не сдавался.

– Амаль!

– За мной, Беркут. Это приказ, – не оборачиваясь, откликнулась я. Кричать друг на друга будем позже.

Солдаты прокладывали мне путь в обезумевшей толпе. Пьянчуги, вывалившие из рюмочной, отчаянно махали руками, подзывая нас к ближайшей подворотне. При виде меня мужики ступшевались.

– Кто нашел тело? Где оно? – отрывисто спросила я, окинув пьяную компанию тяжелым взглядом.

– Я, – пробормотал один из выпивох – низкорослый работяга с морщинистым загорелым лицом. Жилистые руки нервно теребили истрепанный носовой платок, которым он то и дело протирал потный лоб. – Там два трупа: дочка советника и какой-то паренек.

Мы с Беркутом изумленно переглянулись. Мужчина впервые стал жертвой колдуна. До сегодняшнего вечера он предпочитал убивать невинных девушек.

– Ты видел убийцу? – мой вопрос заставил пьяницу вздрогнуть и вновь промокнуть лоб платком.

– Я видел очертания человека в плаще. Он исчез, будто и не было. С ним были тени, много теней! Они испарились, а я убежал.

Значит, колдун исчез. Мне приходилось слышать от матери о невероятном даре перемещения. Она упоминала, что им обладают только горные кадары – колдуны из некогда могущественной общины. Им благоволит сама земля и ее низшие демоны. Если в Вароссе орудует кадар, дела у нас гораздо хуже, чем казалось. Этим людям служат твари, которым под силу подчинить себе любого. В городе может быть несколько одержимых помощников кадара! И это плохо... Очень плохо...

Михель велел нашедшему трупы пьянчуге провести нас к убитым. Тот прерывисто вздохнул, но спорить не решился и обреченно поплелся к подворотне. Беркут твердой рукой отстранил меня и направился за ним первым, держа на изготовку излюбленный кинжал каму. Я со страхом зажгла огни на обеих ладонях, почти не ощутив боли. Сердце колотилось где-то в горле, но жар колдовского пламени придавал отчаянной смелости.

Огни осветили небольшую подворотню и два окровавленных тела. Стойкий запах мочи подсказывал, что пьяница забрел сюда неслучайно. Наверняка посетители рюмочной пользовались этим закоулком как отхожим местом.

– Амаль, спасите его. Умоляю. У меня нет на это сил, – прошелестел над ухом едва уловимый голос Рефа, заставив меня испуганно вздрогнуть. Пламя, повинувшись секундному порыву, разрослось и обожгло кожу. Я подбросила огни вверх, спасая руки, и те, соединившись в яркий сгусток, небольшим солнцем зависли высоко над нашими головами.

Предчувствуя неладное, я сделала несколько шагов к бездыханному мужскому телу и с замиранием сердца узнала перебежчика.

– Девчонка жива, но рана кровоточит, – донесся до меня голос одного из солдат.

Я опустила на корточки перед телом мирейца, взяла его правую руку в свою и приложила большой палец к основанию кисти – туда, где должны прощупываться толчки пульса. Кожа перебежчика была теплой. Я закрыла глаза и прислушалась к слабым толчкам под подушечкой пальца. Жив!

– Найдите целителя Гаяна! Немедленно! – велела я, все еще не смея поверить, что сегодняшняя ночь не принесла новых жертв.

Однако юркая ящерка сомнений не позволила мне насладиться чувством победы над смертью. Что делал в этой подворотне перебежчик? Просто так сюда не забредешь. Не похож он на пьянчугу, которого привлекала рюмочная. Почему миреец оказался здесь с дочерью Надира, с которой уж точно не был знаком? Не нужду же справлял!

Гадкое ощущение собственной глупости бурей взвилось внутри. Что, если перебежчик – один из помощников кадара? Вдруг хозяин просто бросил его на произвол судьбы, напуганный внезапным свидетелем? А я сама впустила мирейца в свое поместье! Позволила жить у себя под носом! Неужели Беркут оказался прав, когда заподозрил его в первую же встречу?

Слабый женский стон прервал поток моих сбивчивых подозрений и вернул в грязную подворотню. Дочь советника очнулась и медленно водила глазами, всматриваясь в лица каждого из нас и будто бы даже не видя.

Один из солдат зажимал ее рану, не позволяя девушке двигаться. Она перевела полусонный взгляд на тело перебежчика и захрипела:

– Он... Он... Это он...

Ее тело затряслось, и глаза вновь закрылись. Я поймала на себе недобрый взгляд Беркута и, откашлявшись, велела:

– Влейте в него любимое зелье навиров. Беркут, у тебя оно с собой?

– Всегда с собой, наместница, – отозвался Михель и с готовностью направился к перебежчику.

– Амаль, вы не правы. Он спасал эту девочку, – голос Рефа, слабый и надломленный, вновь раздался над ухом.

Гнев огненной волной прокатился по телу, взорвавшись в голове, и растекся там вулканической лавой. Мерзкая ушастая тень с легкостью обвела меня вокруг пальца! Даже сейчас, когда дочь советника узнала предателя, это существо продолжило лгать!

Беркут разжал зубы перебежчика и капнул ему в рот несколько капель драгоценного зелья из небольшого флакончика, который неизменно носил с собой. Излюбленное средство навиров, с помощью которого псы императора сковывали магию своих жертв.

Звенящую тишину, воцарившуюся в подворотне, нарушил звук торопливых шагов. Целитель Гаян спешил к нам, едва поспевая за моим солдатом.

Не тратя времени на пустые разговоры, лекарь опустился на колени рядом с дочерью Надира. Он деловито осмотрел рану, накрыл ее своей ладонью и впал в уже привычное забытие. Минута тянулась за минутой, а мы молчали в мучительном ожидании. Только бы девушка выжила! Четвертая неудавшаяся жертва кадара. Неужели одному жалкому пьянчуге оказалось по силам сломать выверенный план колдуна?

– Не понимаю, – пробормотал Гаян, вновь обретая осмысленность во взгляде. – Рана не заживает так хорошо, как должна. Будто что-то ей мешает. И этот едва уловимый трупный запах...

Я бросилась к дочери советника, опустилась на колени и принялась. За мной вторил Беркут. Едва заметные нотки гнили, смешавшиеся с легким ароматом духов, могли бы показаться ничего не значащими, но уж я-то знала, как смердит темная магия. Кадар околдовал ее перед тем, как напасть! Отсюда и запах! Поэтому и не заживает рана.

– Ее тело отравлено темной магией, – пробормотала я. Гаян понимающе кивнул.

– Прикажите вашим солдатам отнести девушку ко мне домой. Там у меня достаточно снадобий, чтобы поправить ее здоровье. Я поработаю с раной в спокойствии и тишине.

– Осмотрите и этого. У него кровоточащие раны, – попросил Беркут и кивнул на перебежчика. – Подлатайте его, чтобы не сдох при допросе раньше времени.

Целитель кивнул и, приблизившись к мирейцу, присел перед его пока еще живым телом. Стариковская ладонь со скрюченными пальцами легла на лоб перебежчика, озарившись мягким светом. Магия исцеления наполняла тело убудка животворящим теплом и жизненной силой, чтобы вскоре отдать в объятия возмездия.

В ожидании я мерила шагами подворотню, пораженная догадкой. Кадар околдовал каждую из своих жертв! Они добровольно шли за ним на смерть! Но зачем ему эти девушки? Что он творил с их телами? Почему они иссыхали? И что за бесовщина творится у меня под носом?!

Похоже, мне не осталось ничего иного, кроме как наступить на горло собственной гордости и наведаться в самое сердце Нечистого леса.

– Парень истощен. Он не придет в себя еще долго. Будить его бесполезно, – наконец изрек Гаян и переложил ладонь на плечо перебежчика, накрыв ею кровоточащую рану.

Я кивнула. Что ж, не сдохнет раньше времени – уже хорошо. Он мне еще понадобится. Однажды я проявила сострадание к этой твари. Больше такой ошибки не совершу.

Когда целитель закончил с перебежчиком, я велела Ансару – правой руке Беркута – взять на руки дочь советника и следовать за нами. Михель воспринял мою идею сопровождать Гаяна безрадостно, но без охраны не отпустил, отрядив следом пятерых солдат. Сам же, окинув брезгливым взглядом тушку мирейца, велел двум ведьмакам, владеющим воздухом, доставить того в поместье.

Послушный поток воздуха, усиленный двойной мощью, оторвал убудка от земли, будто перышко. Мы оставили Беркута, раздающего отрывистые приказы, позади и направились к дому целителя. Наша странная процессия вызывала гримасы ужаса у редких встречных прохо-

жих. Благо, испуганные убийством горожане разбежались по домам. Завтра же объявлю комендантский час!

Дом Гаяна расположился неподалеку – буквально через пару кварталов. Ансар мужественно тащил пухлую девичью тушку, но не жаловался. Она так и не пришла в себя, что очень волновало целителя. И меня тоже. Только бы не умерла...

К дому лекаря примыкала небольшая аптечная лавка со снадобьями, самолично сваренными Гаяном и пропитанными его магией. В городе жил всего один целитель, поэтому днем у его аптеки по обыкновению выстраивалась очередь. Чудесные снадобья неизменно хорошо помогали, отчего горожане считали Гаяна кем-то приближенным к самому Творцу.

Целитель отпер массивную деревянную дверь и посторонился, пропуская нас вперед. В просторном холле горело шесть масляных ламп, отчего тот казался уютным и... домашним. Супруга Гаяна славилась своей любовью к рисованию, поэтому на каждой стене красовалось по написанной ею картине в дорогих резных рамках.

Взяв с небольшого столика горящую лампу, целитель провел нас в правое крыло дома, где расположились палаты. Некоторых больных он оставлял под наблюдением, выделяя им небольшие комнатки. В основном Гаян принимал в своем кабинете. Ко мне же он приходил лично.

Целитель толкнул ближайшую дверь и пропустил нас внутрь скромной палаты с выкрашенными в песочный цвет стенами и небольшим окошком, занавешенным белой шторкой. У стены ютилась старенькая деревянная кровать, застеленная хлопковой простыней, уже заметно посеревшей от времени и стирок. На маленькую подушку была надета того же невнятного цвета наволочка. Ансар аккуратно сгрузил свою ношу на кровать и вышел за дверь. Я застыла у окна, наблюдая, как Гаян вычерчивает понятные лишь ему одному узоры над телом дочери советника.

– Невинна, – наконец изрек он. – Очередная невинная, здоровая и полная сил девушка. Думаю, вы были правы насчет неизвестного обряда. Если убийца околдовывает своих жертв, я готов дать голову на отсечение, что он выбирает их неслучайно и преследует свои цели.

– О целях убийцы мы узнаем от того, кого нашли в подворотне, – процедила я.

– Вы уверены в виновности этого юноши, наместница?

– Уверена. На несколько мгновений девушка пришла в себя и узнала его. Ублюдку придется рассказать все, что знает. Я своими руками вырву из него признание.

Мои слова походили на рык разозленного зверя, отчего целитель с сомнением нахмурился, но перечить не решился.

– В таком случае вам удастся поспать, Амаль Кахир, – пробормотал он. – Юноша не проснется раньше завтрашнего утра. Магия слишком истощила его тело.

– Этот сон станет последним в его жизни.

* * *

Нескладное худощавое тело, пожираемое моим пламенем, извивалось в диком предсмертном танце. Он хрипел, уже не в силах кричать. Последние мгновения жизни насильника наполнили страдание и боль. Я смотрела и смотрела, не отводя взгляда. Зверь, осмелившийся надругаться над девчонкой-подростком и получивший от нее смертельный отпор. Тело замерло в нелепой искореженной позе, и жизнь покинула юношу навечно. Меня вновь стошнило...

Я села в кровати, хрипло дыша, и провела дрожащей рукой по потному лбу. Снова этот кошмар! Творец, как же я устала! Этих снов не было так давно! Почему опять?!

Я осушила два стакана воды и задумчиво засмотрелась на деревья, которые совсем скоро неумолимо пожелтеют. Солнце уже взошло, поцеловав их верхушки золотистым светом. Массивные настенные часы показывали семь утра. Выходит, я уснула целых четыре часа назад.

Надо же, сон сморил меня надолго, несмотря на злость, клокодавшую в груди, будто варево в котле. И злость эта отозвалась ужасом и болью, пережитыми в тринадцать лет. Личная преисподняя, подстерегавшая ночами долгие годы.

В комнате все еще витал запах мирры и лаванды. Перед сном я зажгла огарок свечи под блюдцем с водой, куда добавила несколько капель эфирных масел, знания о которых в далеком детстве получила от матери. Своим ароматом они убаюкали меня, но не спасли от кошмаров.

Пора спуститься к пленнику. Хотелось верить, что подонок уже очнулся. Недолго думая, я нацепила черную рубаху и того же цвета шаровары, по обыкновению заправив их в сапоги. Уверена, сегодня их подошва не раз приземлится на лицо мирейца! Волосы, чтоб не мешали, заплела в косу и закрутила в пучок на затылке. Покрасневшие руки я прятать под перчатками не стала. Перебежчик расскажет все, иначе познает на вкус мое колдовское пламя.

Я спустилась в холл, стены которого украшали талантливо нарисованные пейзажи Нарамы, и поспешила к неприметной двери. Она стерегла вход в подвал. Четыре года назад нам пришлось немного его перестроить. И виной тому банда разбойников, орудовавшая на подъездных путях Вароссы. Доверить их допросы солдатам империи значило упустить с трудом пойманных душегубов, ведь комендант оказался в сговоре с главарем кровавой банды. Жадный боров получал от нового друга неплохое жалованье золотыми ледерцами и драгоценностями, которые послужили прекрасным грузом для его необъятной шеи.

Пришлось допрашивать злодеев своими силами. В подвале моего дома разбойников побывало немало, и лишь один из них отправился на публичную казнь. Остальные больше не увидели белого света. Главаря на центральной площади Вароссы казнил Беркут в назидание остальным любителям легкой наживы, которых нам не удалось поймать.

Позже мы отправили в преисподнюю и предателя-коменданта – он стал прекрасным кормом для рыб где-то на дне реки. Горожане, кстати говоря, до сих пор уверены, что я собственноручно испеклила зажавшегося борова.

Навиры, присланные в город после таинственного исчезновения коменданта, рыскали вокруг так долго, что я всерьез заволновалась, не найдут ли чего. Подвал пыток мы вновь заваляли припасами, вернув ему первозданный вид. Пережив несколько неприятных допросов, которые, слава милости Творца, прошли без чтецов тела, я наконец сумела выпроводить ненавистных императорских псов обратно в Даир и вздохнула спокойно. До очередной выволочки отца, которому, конечно же, немедленно доложили об охоте на разбойников. Он в мою ложь не поверил...

Сейчас же в подвале вновь ждал своей участи очередной предатель, виновный в смерти невинных людей. Надеюсь, он успел помолиться.

Мои шаги эхом отдавались от мраморного пола, украшавшего великолепный холл. Я толкнула подвальную дверь и проследовала по узкому коридору, погруженному в кромешную тьму. Огонек, плывущий чуть впереди, освещал мне путь и отбрасывал зловещие тени на грубые каменные стены. Из-за двери бывшей кладовой доносились мужские голоса. В одном из них я узнала Беркута.

– Не лги мне, мирейский ублюдок! – рявкнул он.

Я отчетливо различила звук удара и тихий стон. Предатель очнулся. Великолепно!

Я толкнула дверь и ворвалась в тесную комнатку, воздух в которой оказался сперт настолько, что сдавило грудь. Каморку освещала одна-единственная свеча, вставленная в подсвечник на стене. Предатель скорчился на каменном полу в углу, хрипло дыша. Он сплюнул кровавую слюну и вскинул голову. Губа была разбита, как и бровь, из которой по щеке к подбородку бодро струился ручеек крови. В темных глазах перебежчика я различила искрящуюся ненависть. Ничего нового. Так смотрел каждый пойманный злодей, понимая, что никакого суда не дождетя. Я была и буду их судом – справедливым и суровым.

– Не признается? – делано веселым голосом поинтересовалась я у Беркута. Он кивнул с тяжелым вздохом.

Ансар, топчущийся у двери, сверлил перебежчика уничижительным взглядом. Этот колдун мог одной лишь силой мысли задушить предателя, но сдерживал свои порывы. А уж я видела по желвакам, игравшим на скулах, как бурлило в нем желание умертвить ублюдка, хозяин которого убил троих беззащитных девчонок и осквернил их тела.

– Говорит, что совершенно случайно увидел в толпе человека в черном плаще, который настойчиво уводил дочь советника с площади, и решил проследить за ними, чтобы тот не обидел девчонку, – голос Беркута полнился ядом неверия и злобы.

– Как все складно у тебя, миреец, – процедила я, подходя ближе и склоняясь к выродку. Его глаза неотрывно следили за моими движениями. Перебежчик подобрался, будто дикий зверь перед прыжком. – Какая жалость, что дочь советника тебя узнала. Жалость для тебя, разумеется, кутарашым².

– Она не могла этого сделать, – рыкнул предатель и сплюнул мне под ноги алую слюну. – Я – не убийца. Я защищал ее.

– У меня не так много времени, чтобы тратить его на тебя, сволочь. Либо ты рассказываешь сам, как отыскать кадара и зачем он убивает невинных девушек, либо мы выьем из тебя признание вместе с криками боли. Несколько лет назад я заживо сожгла человека. Хочешь повторить его судьбу?

– Рехнувшаяся ведьма, – прошипел миреец, пронзив меня пылающим взглядом. – Можешь убить меня, но не получишь желаемого. Я – не убийца и не его помощник. Хоть на куски меня разруби – ничего не услышишь.

– Хорошая идея, балсак³, – процедила я, вклепив перебежчику звонкую пощечину.

Его голова со свалявшимися от крови грязными волосами дернулась в сторону. Он злобно усмехнулся, обнажив окровавленные зубы, и произнес:

– Смелая наместница Амаль. Сковала мою магию зельем и хвалишься своей силой. Легко быть великой, когда соперник бессилён.

С этими словами выродок плюнул мне в лицо. Я отшатнулась и утерла кровавую слюну ладонью. Беркут среагировал мгновенно, подскочив к перебежчику и со злобой пнув его в живот. Пленник закашлялся, свернувшись в калачик. Михель кивнул Ансару. Тот чуть заметно повел пальцами, отчего предатель испуганно схватился за горло. Он открывал и закрывал рот, будто выброшенная на берег полудохлая рыбешка, пучил глаза, но сделать вдоха так и не сумел.

– Если хочешь дышать, расскажи, где найти кадара. Выход у тебя всего один: преисподняя. Либо ты признаешься и отправляешься туда быстро, либо запомнишь предсмертные мучения на все века, которые будешь там томиться, – прошипела я, глядя прямо в выпученные глаза перебежчика, налитые всей ненавистью этого мира.

Еще несколько мгновений, и Ансар вновь повел рукой, дав пленнику возможность отдышаться. Тот хрипел, кашлял и со свистом втягивал воздух, но упрямо молчал.

– Расскажешь или продолжим? – участливо поинтересовалась я и насилиу увернулась от очередного плевка. – Значит, продолжим.

– Если бы не я, девчонка была бы мертва, – просипел перебежчик. – Она не могла сказать, что я – убийца. Расспросите ее еще раз.

– О нет, сейчас я жажду расспросить тебя. Как складно все звучит в твоей истории. Одна лишь незадача: никто на площади не увидел в этом человеке ничего подозрительного. Только ты оказался на удивление прозорливым. Не думай, что мы – дураки. Зачем ты проник в мое

---

² Старонарамское ругательство, обозначающее гниющие мужские гениталии.

³ Старонарамское ругательство, обозначающее ребенка падшей женщины.

поместье? Следил за мной? Или за тем, чтобы мы не нашли следов твоего хозяина? Признавайся, кутарашым!

– Его заподозрил Реф. Я тоже не видел в нем ничего подозрительного.

– Зато теперь я вижу много подозрительного в тебе.

На моих ладонях возникли два сгустка пламени, и я сбросила их, чтобы те зависли прямо перед лицом перебежчика. Они разрастались, своим жаром обжигая кожу пленника. Тот отползал все дальше к стене, пока не вжался в нее спиной. Огни следовали за ним, будто хищники, учуявшие кровь. В налитых кровавой яростью глазах выродка затрепетал страх. Наконец-то!

– Будешь жечь меня, ведьма? – процедил он, морщась от жара. – Жги. Не зря люди считают тебя зверем.

– Поверь, я намного хуже.

С этими словами я позволила огню коснуться пленника. Он отчаянно закрывал руками лицо, но пламя уже почуяло свою жертву. Оно лизало кожу перебежчика, вынуждая изворачиваться и корчиться. Но он молчал... Мерзавец упрямо молчал!

Я повела рукой, и огонь отступил. Пленник тяжело дышал, спрятав лицо в ладонях.

– Не передумал? Я жду признаний.

– Убей меня, раз уж решила. Лучше бы ты сделала это сразу, дрянь.

Его слова несколько не трогали меня. Чего только нам не приходилось слышать от разбойников. Уж сколькими проклятиями они осыпали нас и наших потомков, не счесть!

Я вновь дала волю пламени, разделившемуся на десятки огненных светлячков. Каждый жалил тело предателя степной гадюкой, вырывая крик за криком из его горла. Я отвела взгляд, внезапно вспомнив ночной кошмар. К горлу подступила дурнота. Запах паленой кожи и волос давно заполнил каморку, наполнил грудную клетку, осел привкусом смерти на языке.

Беркут не вмешивался. Он стоял глыбой за моей спиной, прожигая взглядом перебежчика, извивающегося под десятками огней. Мне не доставляла удовольствия его боль. Я не собиралась убивать мерзавца, но желала напугать так, чтобы гнев кадара показался ему благословием Творца по сравнению с моим. Он будет жить, пока я не поговорю с дочерью советника.

Приближающийся топот отвлек мое внимание, и огни отступили, подарив пленнику блаженную возможность отдышаться. В дверь заколотили. Ансар с подозрением приоткрыл ее и отступил на шаг. В каморку ворвался запыхавшийся целитель, за спиной которого маячили двое моих солдат. Гаян еле дышал, согнувшись пополам. В его почтенном возрасте бег приносил больше вреда, чем пользы.

– Наместница, не трогайте юношу, – выдохнул целитель, держась за бок. – Девушка пришла в себя и рассказала, что он и некая призрачная лиса спасли ее от темного колдуна. Парень сражался за нее.

Меня будто обдали ушатом ледяной воды, загодя раскалив добела. Я поспешно погасила огни, старательно отводя глаза от перебежчика, но его покрасневшая воспаленная кожа притягивала взгляд. Я мучила невиновного человека, уверенная в своей правоте... Монстр, спятивший от страха и злобы...

– Почему тогда она указала на него в подворотне? – севшим голосом пробормотала я, ощущая предательскую дрожь в руках и коленях.

– Девушка говорит, что пыталась попросить вас помочь ему. Она не хотела, чтобы юноша умер из-за нее.

Я невольно закрыла лицо рукой. Беркут переглянулся с Ансаром, и они оба недоверчиво покосились на мирейца.

– Девушка клянется, что юноша храбро сражался с колдуном и даже сумел ранить его, – продолжил Гаян, победно глядя мне в глаза.

Я стыдливо отвернулась и встретилась взглядом с перебежчиком. Его лицо исказил гнев, а обожженная кожа блестела от выступившей сукровицы. Кровь стекала к шее пленника, теряясь в густой черной щетине на щеках и подбородке, а на распухших губах вновь играла злобная усмешка. Его израненное лицо вдруг показалось мне черепом мертвеца, с которого того и гляди слезут лоскуты обугленной плоти. Перебежчик отчаянно расхохотался, и этот полный презрения смех отозвался от каждой стены.

– Мне нужно поговорить с девушкой лично, – пробормотала я, насилу отвернувшись от хохочущего доказательства собственной жестокости. – Но сначала прошу вас исцелить этого юношу. Я буду ждать вас в саду.

С этими словами я выскочила из каморки и понеслась к выходу в кромешной темноте, даже не потрудившись зажечь огонь и едва разбирая дорогу. Сзади слышались торопливые шаги.

– Амаль, это была наша общая ошибка. Не только твоя, – заявил Беркут, нагнав меня.

Я не сбавляла шаг, упрямо игнорируя его слова утешения.

Михель схватил мою ладонь и сжал в своих прохладных пальцах, вынуждая остановиться. В кромешной тьме я не видела его родных зеленых глаз, но знала, что они наполнены привычной братской заботой. Будто бы он все еще говорил со своей наине, а не с умалишенной ведьмой, всего пару минут назад пытавшей невиновного. Я была противна самой себе, а Михелю – нет. Разве такое возможно?

– Ты – не зверь, – заверил меня Беркут и вдруг прижал к себе. Как в тот наполненный смертью и вонью жженой кожи вечер, когда я превратилась в убийцу. – Мы ошиблись, так бывает. Все выглядело слишком подозрительно.

Я кивнула куда-то ему в плечо, безрезультатно отгоняя склизкое чувство собственной ничтожности.

– Гаян исцелит парня, потом я лично поговорю с ним. Мы можем дать ему денег и отправить в любой другой город Нарамы. С полным кошельком он найдет себе место.

Я отстранилась от Беркута и несмело подняла взгляд, стараясь различить во тьме очертания друга.

– Предложи ему вступить в мой отряд. Кажется, этого он хотел, когда просил убежища. Миреец, действительно, хорош в бою, раз сумел ранить кадара. Еще и его дар прятаться в тени. Такого нет ни у одного моего солдата. Если согласится – хорошо, не согласится – дай денег и отправь подальше из Вароссы.

– Ты уверена, что его место среди нас? – голос Беркута полнился сомнением.

– Поглядим, – пожалала я плечами. – Он рвался ко мне в отряд. Пусть это предложение станет моим извинением.

Сад встретил нас утренним пением птиц и шелестом листвы. Запах роз пробирался в грудь нежным дурманом. Отдаленные голоса прислуги, доносившиеся от черного входа кухни, напоминали, что жизнь продолжается. Сегодняшнее утро могло не наступить для несчастной дочери Надиры Леяны, но наступило. И все это благодаря перебежчику, вступившему в бой с кадаром. Его место не на кухне, среди ящиков с продуктами и болтающих без усталости кухарок. Я совершила ошибку. Вновь.

– Наместница, простите, что беспокою вас, – вдруг донесся до меня звонкий девичий голосок. К нам спешила одна из помощниц кухарки – молоденькая девчонка, на вид чуть младше меня самой. Ее испуганные глазки таращились на нас с Беркутом, будто на демонов из преисподней. Я смотрела на нее сверху вниз, молчаливо выжидая.

Девчонка склонила голову в почтительном поклоне и пролепетала:

– Я хотела спросить об Ингаре. Солдаты болтают, что его заперли в подвале.

– Не твоего ума дело, – отрезала я, мысленно пообещав устроить выволочку каждому, кто распускает язык в присутствии прислуги.

– Простите меня. Я всего лишь хотела сказать, что весь вчерашний вечер Ингар провел со мной и моей подругой Идой – еще одной работницей кухни, – помощница кухарки вновь склонила голову, но голос ее зазвучал чуть тверже. – Он... Ингар – хороший человек. Он не мог натворить дурного.

– Миреец всего неделю живет в моем поместье. Откуда тебе знать, что он за человек? – язвительно поинтересовалась я.

Девчонка взглянула на меня исподлобья и вновь потупилась.

– Он помогает всем, кто в этом нуждается.

– Наивная, – фыркнула я. – Никогда не суди людей по тому, помогают ли они другим. Лучше наблюдай, чтоб не вредили. Но по поводу Ингара ты права. Он ни в чем не виноват. Я распорядилась отпустить его.

Глаза помощницы кухарки озарились радостью, отчего у меня вновь возникло желание громко фыркнуть. Девчонка влюбилась в перебежчика! Как предсказуемо и глупо. Давно здешние девушки не видывали новых мужских лиц.

– Наместница! – вдруг донесся приближающийся крик целителя. Он вновь бежал, прихрамывая на одну ногу и тяжело дыша. – Дочь советника сбежала! Она избилла служанку и вылезла в окно! Супруга прислала экономку сообщить мне об этом.

Я потрясенно уставилась на Гаяна, забыв о помощнице кухарки, наострившей уши неподалеку.

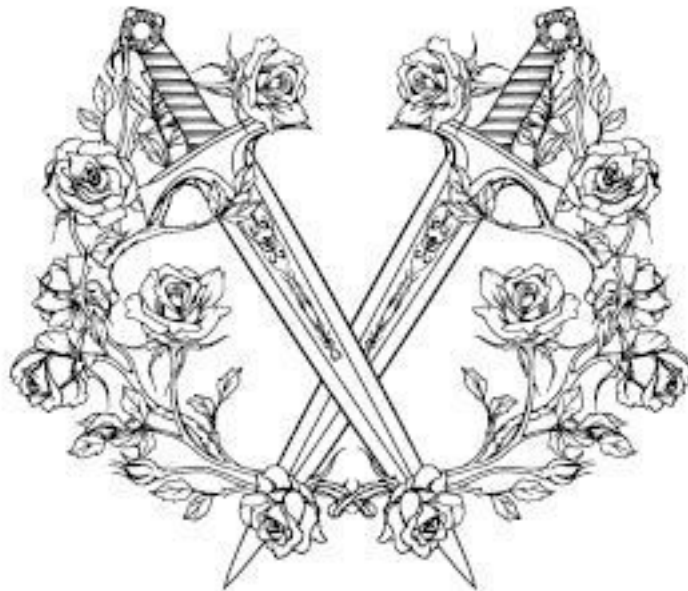
– Разве она уже достаточно сильна, чтобы вставать с кровати? – изумился Беркут.

– В том-то и дело, что еще час назад девушка была так слаба и потеряна, что с трудом открывала рот. Я насилу заставил ее говорить. Однако после моего ухода она голыми руками отлупила рослую служанку и выломала оконную раму, – ответил Гаян, все еще пытаясь отдышаться. – Как будто кто-то околдовал ее за это короткое время.

Разве подобало так себя вести воспитанным девицам? Ответ напрашивался сам собой. В теле дочери советника не осталось места воспитанной девице. Ее место заняла нечистая сила.

Глава 7

Защитник

Амир

Кажется, я терял сознание. Прохладными касаниями целитель прогнал боль, причиненную свихнувшейся тварью. Когда кожа перестала пылать, а голова блаженно потяжелела, я провалился во тьму, будто сброшенный в воду с отвесной скалы.

В комнатушке, куда меня бросил Беркут, царила кромешная тьма. Огрызок свечи догорел, пока я валялся без сознания.

Тело ломило от слабости, кожу на плече и бедре мерзко стягивала засохшая кровь, но раны испарились, как и не было. По велению наместницы целитель постарался на славу.

Наместница! Не будь моя магия скована коварным зельем навиров, я бы нашел, как выбраться из этого темного каземата! И уж тогда спятившую ведьму не уберег бы ни Беркут, ни строй солдат! Ее собственное пламя я бы обратил против нее самой! Мерзавка прочувствовала бы каждый миг боли, причиненной мне! Ее импульсивная жестокость несравнима с жестокостью того, кого пятнадцать лет учили осознанно возводить ее в нужный градус, использовать разрушительную мощь своего дара и рушить любое препятствие, будь то стена или человек. Ничто не смогло бы уберечь черноглазую гадину от расплаты, если бы не Тир... Я все еще оставался его последней надеждой... И если бы только его...

На дрожащих ногах я проковылял к двери и заколотил в нее кулаками. Железо безмолвно принимало мой гнев, но не поддавалось. Когда ярость улеглась, я в последний раз пнул равнодушную преграду, хрипло проклиная навиров с их сковывающим зельем, кадара, Вароссу, наместницу и ее верного пса! Если они убедились, что я невиновен, то почему оставили здесь?!

Облюбованный угол вновь радушно принял меня в каменные объятия. Тело еще не наполнилось силой, отчего казалось, будто кости превратились в кисель. Я отдал слишком много магии в поединке с кадаром. Вот она, обратная сторона непредсказуемого дара. Я должен следить за своими желаниями, чтобы ненароком не раздуть пламя одной-единственной свечи в пожар, не задушить врага в порыве ветра, не разрушить дом или не вытворить чего

похуже. Чем больше способностей мне приходится использовать, тем быстрее уходят силы и тем больше времени нужно для их восстановления. Я могу многое, воистину многое, но эта мощь слишком много забирает взамен.

В бою с кадаром я применил слишком много силы и выдохся, выжав всего себя. Даже Реф, которому необходима лишь крупица моей магии, обессилел. Я спас девчонку и взамен чуть не поплатился собственной жизнью! Хороша же благодарность от наместницы! Если бы не целитель, она бы казнила меня. Голову даю на отсечение... Кхм... Неудачное выражение... Казнила бы не моргнув глазом в погоне за мнимым правосудием. И не приблизилась бы к убийце ни на шаг...

Тягучие, будто древесная смола, размышления прервал звук отпирающегося замка. Еще немного возни, и дверь распахнулась. На пороге со свечой в руке возник тот самый солдат, что вместе с Беркутом и его хозяйкой выбивал из меня несуществующее признание. Он держал в руке навесной замок и задумчиво крутил его на пальце.

– Беркут распорядился выпустить тебя. Еще он просил передать, что сегодня тебе разрешено взять выходной и привести себя в порядок. Вечером будь готов к разговору с ним.

Я громко фыркнул, показывая свое отношение к приказам прихвостня наместницы.

– Шевелись давай, – велел солдат, не впечатлившись моим неприкрытым пренебрежением.

Амир, ты терпишь это ради Лиры. И Тира. В твоей жизни случались передраги посерьезней, чем эта.

Я выдохнул сквозь зубы, привычно усмиряя гнев, поднялся на подрагивающие ноги и насилию сдержался, чтобы не врезаться в солдата плечом. Спокойно, Амир! Они могут сколько угодно втаптывать в грязь Ингара, но до тебя настоящего не доберутся даже цепкие руки наместницы.

Запах сырости в узком коридоре показался невероятно упоительным по сравнению со спертым воздухом каземата, который я только что покинул. Солдат следовал по пятам, следя, чтобы я как можно скорее вымелся из дома наместницы.

Холл, на стенах которого красовались талантливо написанные пейзажи, напомнил мне о солдатском корпусе. Рисунки здесь отличались помпезностью и обилием ярких красок. Деревянная лестница, устланная пунцовым ковром, убегала наверх, а пролет между первым и вторым этажами украшали два глиняных вазона с огромными букетами алых роз. Не знай я наместницу, решил бы, что хозяйка этого светлого дома – мечтательная любительница цветов и живописи, а не мерзавка, получающая удовольствие от пыток.

За неделю, проведенную в поместье наместницы, мне ни разу не приходилось открыто входить в ее особняк через парадную дверь. Прислуга сновала туда-обратно только через черный вход, ведущий на кухню. Конечно, под покровом теней я уже исследовал дом, но никто и помыслить не мог о том, что обычный разнорабочий с кухни посмел шагнуть за ее пределы без разрешения Амаль.

Чуть поодаль от парадного входа топталась Дания. С лучезарной улыбкой она бросилась ко мне, будто намереваясь обнять, но в нерешительности замерла на расстоянии вытянутой руки.

– Я слышала, как Беркут приказал выпустить тебя, и решила встретиться, – пролепетала она, тараща огромные глаза олененка.

Лира смотрела бы на меня так же, и в ее ясных голубых глазах застыли бы слезы. Своей скромностью и добротой Дания походила на мою прелесть. Наверное, поэтому я не отталкивал ее.

– Как наместница могла подумать, что ты напал на дочку Надира Леяна? Она бы еще Беркута обвинила, – возмутилась Дания, понизив голос и пугливо оглядевшись.

Я устало пожал плечами. Сил обсуждать пережитое не осталось.

– Девчонка сбежала из дома целителя Гаяна, – голос Дании превратился в шепот. – Избила служанку и выломала окно. Я своими ушами слышала, как целитель говорил об этом наместнице. Они считают, что в бедняжку вселилась нечистая сила.

Слова Дании насторожили меня. Значит, дочь советника околдовали до нападения.

По городу разгуливает одержимая, и ни одна душа не сможет предсказать, что она вытворит в следующий миг по велению демона. Чего добивается кадар? Внутреннее чутье подсказывало, что сеть его планов обширней нескольких иссушенных магией тел. Что ж, пусть с этими загадками разбирается Амаль.

– Хорошо, что они отпустили тебя, – голос Дании тихим звоночком ворвался в мои мысли. – Пусть всем скопом ищут дочь советника и ее настоящего убийцу.

Я слабо улыбнулся злости, проступившей в ее словах.

– Поэтому ты вчера не позволил мне пойти с тобой? Заподозрил неладное? – с надеждой в голосе пролепетала Дания.

– Разве я мог привести к убийце еще одну молодую девушку?

– Ты меня спас, – зардевшись, выдавила она.

Искреннее восхищение Дании отдавалось оскоминой на зубах. Я всего-то рывкнул на нее, чтобы не совалась следом, а она самолично создала по моему образу и подобию благородного спасителя. Но разубеждать Данию значило обидеть ее, а мне ужасно не хотелось обижать эту простодушную девчонку.

Она не отставала до самых дверей нашей с Диром и Гараем комнаты. Причитания Дании звонким эхом отдавались в висках, пока я выгребал с верхней полки шкафа рабочую форму и полотенце, пока спускался к купальне и сбрасывал в таз измазанную кровью одежду, пока стоял под прохладными струями воды, натирая тело мочалкой докрасна, смывая с себя воспоминания о пытках.

В голове непрестанно крутились мысли о кадаре и низших демонах, которых он с небывалой легкостью призвал к себе на помощь, о победе дочери советника и обвинении меня самого. Наместница в отчаянии, и теперь, немного остыв под бодрящей душевой водой, я ее в чем-то понимал. Нечасто мне доводилось слышать о кадарах, но то, что я слышал, – плохие новости для Вароссы и для самой Амаль.

Магию горным кадарам дарили сами недра земли. Несколько веков назад они собрались в общину и за долгие годы постигли небывалые чертоги магии. Их знания зиждились на крови и смерти, дарили власть над низшими демонами. Состарившись и набравшись жизненного опыта, кадары выбирали себе ученика. Они обучали свою смену, натаскивали и делились мудростью, после чего молодой колдун убивал своего учителя, забирая себе его мощь.

Кадары обитали среди гор и подпитывались магией камней, недр и оставшихся там низших демонов. После кровопролитной войны между Нарамом и Белоярской империей, в которой навиры истребили большинство духов-защитников некогда великой страны, в горах осталось не так много источников силы.

Чуть меньше полувека назад по приказу отца нынешнего императора навиры уничтожили кадаров, и с тех пор в пустынной скалистой местности обитали лишь небольшие группы разбойников. Те с удовольствием потрошили повозки купцов и грабили одиноких путников. Уж не знаю, как я пересек бы границу Мирей и Нарамы, если бы не умение сливаться с тенью.

До сегодняшней ночи я был уверен, что среди ныне живущих не осталось ни одного кадара. Сколько же их уцелело? Где они прячутся? И почему один из них вышел на охоту?

Распутывая клубок бесконечных вопросов, я рухнул на кровать и на мгновенье прикрыл глаза...

Оживленные голоса Гарая и Дира вырвали меня из темноты, словно рыбу, подсеченную удочкой.

– Вы поглядите-ка на него! В поместье только и разговоров, как новенький спас дочку советника, а он дрыхнет! – воскликнул Дир. – Прячешься от славы, узник подвала?

Я потер глаза и покосился на соседа по комнате, пока не понимая, издевается он или говорит с искренним одобрением. За окном сгущались сумерки. Странно, что Беркут так и не позвал меня для разговора.

– Дочку советника нашли? – отрывисто спросил я.

– Ищут. Будто сквозь землю провалилась, – доверительно ответил Гарай. В его грустных серых глазах я разглядел тревогу.

Альбинос снял с головы платок, завязанный узлом на затылке, стянул рубашку с длинными рукавами и задумчиво опустил на кровать. С искренним сочувствием я изо дня в день наблюдал, как Гарай защищает тело от прожорливых солнечных лучей. Альбинос быстро обгорал на палящем летнем солнце, поэтому в особенную жару, когда приходилось работать на улице, закрывал платком даже лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.